АЙРЕС ВЭРЕН

MYSTIC PLAZA

НАСЛЕДСТВО ТЕНЕЙ

НЕКОТОРЫЕ
ДОМА
ПОМНЯТ
СЛИШКОМ
ДОЛГО

Айрес Вэрен

Mystic Plaza: Наследство теней

«Автор»
2026

Вэрен А.

Mystic Plaza: Наследство теней / А. Вэрен — «Автор», 2026

"Mystic Plaza" — старинное поместье, в котором обычные законы физики, биологии или химии в целом здравого смысла теряют всякое значение. Группа студентов приезжает сюда по заданию старого друга хозяев рекламного агентства, чтобы снять рекламные видеоролики и создать легенду для будущего отеля. Но вскоре они оказываются вовлечены в нечто гораздо большее, чем простое коммерческое мероприятие.

© Вэрен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I: В поисках легенды 5
Глава 1. Дождь в котором тонут дороги . 6
Глава 2. Камни, помнящие твоё имя. 10
Глава 3. Ужин при свечах уходящих теней. 17
Глава 4. Ночь, рождённая в пламени бренди. 29
Часть II: Узор из вырезанных страниц 40
Глава 5. Карта из шёпота и тени 40
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Mystic Plaza: Наследство теней

Часть I: В поисках легенды

Глава 1. Дождь в котором тонут дороги .

Если бы Миранда Рейн знала, чем обернется эта поездка, она бы выпрыгнула из машины прямо на ходу, под проливной дождь. Самый жуткий кошмар в жизни девушки начался не с крика, а с монотонного шума дождя о стекло и приглушенных, но напряженных голосов родителей.

Поездка в пригород Вересьева с самого начала не задалась. Дождь, начавшийся еще на выезде из города, не стихал, а лишь набирал силу, превращая мир за окном в размытое акварельное пятно. Старые дома, покосившиеся заборы и оголенные деревья мелькали за окном, словно призраки, и тут же тонули в серой пелене.

Миранда сидела на заднем сиденье, уткнувшись лбом в холодное стекло. Она была погружена в свои мысли с самого начала этого путешествия. Родители, Лия и Дэрэк, обычно были тем дуэтом, вокруг которого строилась любая вечеринка. Дэрэк — душа компании с неистощимым запасом анекдотов и безумных идей, и Лия — его идеальный контролёр, умевшая свести любую его авантюру к блестящему результату. Вместе они напоминали странный, но слаженный механизм: он — горячий пар, толкающий поршни, она — охлаждающая жидкость, не дающая всему взорваться. Сегодня этот механизм дал сбой.

«А всё из-за этого странного заказа», — думала Миранда, глядя в залитое дождём окно. Их семейное агентство «Рейн & Рейн» обычно бралось за яркие, современные проекты. Но тут — звонок. «Это наш старый друг, — сказал Дэрэк, странно оживившись. — Финн. Мы вместе учились. Он… много лет назад уехал за границу, занимался каким-то редким искусством, реставрацией, что ли». Лия молча достала потрёпанный выпускной альбом и нашла фотографию: трое молодых людей стоят, обнявшись. Родители — узнаваемо-юные, и между ними — худощавый парень с пронзительным, даже на чёрно-белом снимке, взглядом. Тот самый Финн. Миранда тогда отметила про себя, как мало в его улыбке было студенческого безрассудства по сравнению с тем сколько было сосредоточенной серьёзности.

Она хотела спросить у родителей, что за история с этим Финном, но её опередил голос Лии.

— Дэрэк, ты уверен, что это нормально? — спросила мать, не оборачиваясь. — Финн... он всегда был странным. А сейчас, после стольких лет молчания, вдруг звонит и просит приехать в какое-то забытое поместье?

— У него проект, Лия. Большой проект. Отель. Ему нужна качественная реклама, а мы — лучшие в своём деле, — Дэрэк говорил бодро, но Миранда заметила, как его пальцы сильнее сжали руль. — И потом, он мой друг. Если ему нужна помощь...

— Он был твоим другом двадцать лет назад. — Голос Лии стал жёстче. — Ты сам говорил, что после той поездки он изменился. Стал замкнутым. А теперь он покупает заброшенный особняк и зовёт нас туда? Это похоже на...

— На что? — перебил Дэрэк, и в его голосе впервые проскользнуло раздражение.

Лия помолчала.

— Не знаю. Но у меня плохое предчувствие.

Мама никогда не говорила о "предчувствиях". Она оперировала фактами, цифрами, сроками. Если она это сказала — значит, было из-за чего.

— Послушай, — Дэрэк вздохнул и сбавил скорость, въезжая в туман. — Мы просто посмотрим. Сделаем работу. Получим деньги. Если что-то пойдёт не так — уедем. Хорошо?

Лия не ответила. Она просто отвернулась к окну, и Миранда увидела, как мать сжала край своей сумки так, что побелели костяшки.

Миранда смотрела на затылок матери, на то, как напряглись её плечи. Этот звонок, это странное приглашение — всё это было не похоже на обычные проекты их агентства. Но мама согласилась. И отец — тем более. И теперь они ехали в поместье, которое даже на фотографиях в интернете выглядело мрачным и заброшенным. А её взяли как подручного оператора — просто чтобы была под рукой. «Просто посмотри место, сделай несколько кадров для настроения», — сказала мама. Легко сказать. Миранда не была оператором. Она просто умела держать камеру и имела «свежий взгляд», как выразился отец. Ей казалось, что её взяли из вежливости. Или чтобы была под рукой.

«Свежий взгляд», — усмехнулась она про себя. Свежий взгляд на то, как её родители ссорятся впервые за долгие годы. Свежий взгляд на дорогу, которая становится всё уже и темнее. И теперь они ехали к нему. К Финну. К человеку с фотографии, который смотрел в объектив двадцать лет назад с такой серьёзностью, будто знал что-то, чего не знали другие. Миранда ловила себя на мысли, что ей неловко. Будто она собирается на встречу с призраком из семейного альбома, который вдруг ожил и начал раздавать указания. Этот Финн знал её родителей молодыми, такими, какими она их не помнила. А её… он не знал совсем. Или знал? От этой мысли по спине пробежал холодок.

Дэрэк молчал. Это было первым тревожным звоночком. Он никогда не молчал за рулём...А Миранду, её девятнадцатилетнюю дочь и универсального помощника, взяли как креативный взгляд молодёжи и подручного оператора. Вот так они и оказались в этой машине, на пути к чьей-то забытой легенде.

Миранда снова уткнулась лбом в стекло. Она не знала, что думать об этом Финне. Голос в трубке, который она слышала краем уха, когда отец говорил по громкой связи, звучал странно — сухо, отстранённо, будто человек разучился говорить с живыми людьми. И этот его заказ: «Мне нужна легенда». Не реклама. Не ролик. Легенда. Словно он собирался не отель открывать, а создавать что-то другое.

Дэрэк явно рвался в эту поездку. Миранда видела, как загорелись его глаза, когда он услышал про старинное поместье. Отец всегда был неравнодушен к таким местам — заброшенным, мрачным, с историей. А мать… мать согласилась, потому что это был контракт. Деньги. И ещё что-то, о чём она не говорила вслух. Может, любопытство. Может, старая привязанность к человеку, которого она когда-то знала.

Миранду взяли как подручного оператора — их штатный специалист сломал руку за день до выезда. «Просто посмотри место, сделай несколько кадров для настроения», — сказала мама. Легко сказать. Миранда не была оператором. Она просто умела держать камеру и имела «свежий взгляд», как выразился отец. Ей казалось, что её взяли из вежливости. Или чтобы была под рукой.

«Свежий взгляд», — усмехнулась она про себя. Свежий взгляд на то, как её родители ссорятся впервые за долгие годы. Свежий взгляд на дорогу, которая становится всё уже и темнее. Свежий взгляд на дождь, который, кажется, никогда не кончится.

И теперь они ехали к нему. К Финну. К человеку с фотографии, который смотрел в объектив двадцать лет назад с такой серьёзностью, будто знал что-то, чего не знали другие. Миранда ловила себя на мысли, что ей неловко. Будто она собирается на встречу с призраком из семейного альбома, который вдруг ожил и начал раздавать указания. Этот Финн знал её родителей молодыми, такими, какими она их не помнила. А её… он не знал совсем. Или знал? От этой мысли по спине пробежал холодок.

Дэрэк молчал. Это было первым тревожным звоночком. Он никогда не молчал за рулём, особенно в дальних поездках. Его руки нервно перебирали руль, а взгляд то и дело срывался на приборную панель.

— Дэр, ты всё нормально? — спросила Лия, и её голос прозвучал слишком ровно. Слишком аккуратно. Это был её «деловой» тон — тот, что она использовала на сложных переговорах, когда нужно было скрыть раздражение.

— Конечно, солнышко, — ответил он, и эта привычная ласковость прозвучала как заученная скороговорка. — Просто думаю, как бы нам получше подать эту историю Финну. Место-то должно быть жутким, но… продаваемым.

— Продаваемым, — повторила она без интонации. — Да. Главное — не забыть, что мы здесь ради дела, а не ради твоих любимых готических сказок

Миранда абстрагировалась от их спора, создав в ухе защитный гул, сквозь который родительские голоса доносились как приглушенное радио из соседней комнаты. Её взгляд, скользнув по залитому дождем лобовому стеклу, прилип к одной-единственной капле. Она была королевой на этом мокром поле. Не как те мелкие, лихорадочно стекающие стайки, что лишь размывали мир за стеклом в грязную акварель. Эта — была тяжелой, медлительной, упрямой. Она родилась высоко, у самого края стеклоочистителя, вобрав в себя сотни своих сестер, и теперь, подчиняясь законам тяготения и сопротивления, начала свой неспешный, извилистый путь вниз.

Миранда задержала дыхание.

Капля не падала — она боролась. Ее путь был тактикой гения: она обтекала микроскопические пылинки, замирала на месте, копила силы, а затем резко скатывалась по невидимой низине, оставляя за собой чистый, блестящий след в водяном хаосе. Иногда на её пути вставали другие, меньшие капли. И тогда происходило чудо: не борьба, а слияние. Маленькая исчезала в большой, отдавая ей свою массу, свою скорость, свою судьбу. Королева становилась тяжелее, неповоротливее, но неотвратимее к выбору, который уже и не являлся выбором вовсе являлся лишь последним движением перед падением в никуда.

Прямо как я, — промелькнула у Миранды мысль, холодная и четкая, как сам этот след на стекле. — Несёшься в неизвестность по пути, который проложили другие. Набираешь по дороге чужой багаж, чужие проблемы, чужие глупые решения. И сливаешься с этим пейзажем несчастья, пока не станешь такой же безликой и тяжелой частью этого потока. Она почувствовала почти физическое родство с этой каплей. Та же потеря контроля. Та же странная, гипнотическая покорность судьбе. Вот капля достигла нижней рамки стекла, на миг задержалась, дрогнула, словно делая последний выбор — стечь вбок по уплотнителю или сорваться вниз в небытие подножки.

И в этот миг двигатель под капотом издал странный, захлёбывающийся звук — не крик, а скорее хриплый выдох. Фары на мгновение померкли, затем вспыхнули вновь. Машина дёрнулась, как живое существо от внезапной боли, и замерла.

Ровный гул мотора сменился тишиной, такой оглушительной, что на её фоне барабанная дробь дождя по крыше звучала как торжествующий марш. Капля на стекле, словно пораженная тем же параличом, остановилась на самом краю.

— Что… — начала Лия, но не закончила.

Дэрэк резко повернул ключ зажигания. В ответ — лишь сухой, бесплодный щелчок стартера. Ещё раз. И ещё. Щелчок, щелчок, щелчок — ритмичный, как маятник, отсчитывающий время до их неизбежного краха.

Он опустил голову на руль. Его плечи, обычно такие размашистые и уверенные, ссутулились.

— Я же говорила, — прошептала Лия. Не с упрёком. С пустотой. — Я говорила, Дэр. Надо было проверить перед выездом. Всё. Просто всё.

Она не кричала. Не плакала. Она просто сидела, сжавшись в комок, и смотрела в залитое дождём окно, на их безнадёжное положение посреди пустынной дороги. Казалось, они застряли здесь навсегда.

Отчаяние длилось недолго. Спустя минут пятнадцать томительного ожидания, в потёмках позади них вырисовывались огни приближающегося автомобиля. Это был старый, видавший жизнь внедорожник. Он остановился впереди, и из него вышел угрюмый мужчина в кепке с воротником куртки, укрывающим лицо от тяжёлых капель дождя, по виду это был местный лесничий.

— Вам повезло, что я наткнулся на вас, — прокомментировал лесничий, заглядывая под капот при свете своего фонаря. — Ремень ГРМ, похоже, жив, но вот проводка... Мало кто по этой дороге ездит, особенно в такую погоду. Прямо к «Плазе» и направляетесь? Странный выбор для семейного визита, —произнёс мужчина отходя от их машины. Он покопался в своем багажнике, достал инструменты и через пятнадцать минут, щедро залитый дождем, объявил, что временная мера поможет доехать.

— Это ненадолго, но до поместья хватит. Дальше — только на эвакуаторе, — сказал он, вытирая руки тряпкой.

Попросив символическую плату за помощь, он уехал, оставив их с лёгким чувством неловкости и тенью, лёгкой, но уже нестираемой таинственности будто первая нить будущей паутины коснулась их плеч. Двигатель, с трудом чихнув всё таки, завелся.

Машина медленно покатилась по мокрой дороге. Миранда сидела на заднем сиденье, прижимая к груди рюкзак с камерой, и смотрела на тёмные силуэты деревьев за окном. Ей казалось, что она слышит, как мама и отец думают об одном и том же: оставить всё и развернуться.

Но они не разворачивались.

И Миранда понимала почему. Мама с самого начала относилась к этому проекту с подозрением, но если бы она сейчас сказала «поехали назад», это означало бы, что она ошиблась. Что она зря согласилась. Что её деловое чутьё дало сбой. Лия Рейн не могла себе этого позволить.

А отец… отец просто хотел увидеть друга. Он не говорил об этом вслух, но Миранда видела, как он сжимает руль, когда мама в очередной раз начинала сомневаться. Дэрэк Рейн был не тем человеком, который бросает друзей. Даже тех, с кем не виделся двадцать лет.

И она сама. Миранда.

Она вспомнила слова мамы: «Ты справишься. Просто посмотри место, сделай несколько кадров для настроения». Это не было поддержкой. Это был тест. Мама проверяла, сможет ли она, Миранда, сделать хоть что-то без их контроля. Без того, чтобы папа подсказывал, а мама поправляла.

Если она сейчас скажет «я боюсь, давайте уедем», она навсегда останется той девочкой, которой нужны мамины инструкции и папино одобрение.

«Нет, — подумала она, сжимая лямку рюкзака. — Я останусь. Что бы здесь ни было. Я докажу, что могу».

Она не знала тогда, что эта мысль станет её якорем. И её тюрьмой.

Глава 2. Камни, помнящие твоё имя.

Поехав дальше и свернув на едва заметную грунтовую дорогу, они каким-то чудом всё-таки доехали до места. Возможно, это была одна из тех случайностей, что позже кажутся зловещим промыслом. Они остановились перед величественными иссиня-черными воротами. Казалось, они вросли в саму непогоду, поглощая скучный дневной свет. Изящные, кованые каллиграфические буквы складывались в название: «Mystic Plaza».

— Мама, что это? — выдохнула Миранда, прилипшая лбом к стеклу. Ее отстраненность мгновенно испарилась, сменившись жгучим любопытством.

— Это новая авантюра мистера Финна, — ответила Лия, все еще хмурая, но уже с профессиональным интересом осматривающая владения. — Он купил это старье и хочет превратить его в элитную гостиницу. Наша задача — оценить место, написать сценарий и снять рекламу, которая заставит поверить в возрождение этого места. — Выходим, мы приехали.

Не дожидаясь повторного приглашения, Миранда выпорхнула из машины, подставив лицо колючим каплям. Она подбежала к воротам, и странное чувство охватило ее с головой. Это было не просто любопытство, а почти физическое влечение. За ажурными прутьями ворот виднелся фасад из темно-серого камня. Между высокими, узкими окнами замерли каменные горгульи. Но в отличие от гротескных чудовищ с готических соборов, эти существа выглядели не простыми наблюдателями. Их застывшие позы не пугали, а настораживали, эти каменные изваяния несли в себе иную, более глубокую энергетику. Это не были бездушные украшения. Каждая горгулья, с ее изогнутой спиной и застывшим оскалом, казалось, была не стражем, а пленником, вмурованным в камень навеки. Их позы не были просто устрашающими — они рассказывали историю заточения, немого ужаса и вечного ожидания. Всякий, кто встречался с их каменными взорами, чувствовал незримую связь: они не просто смотрят. Они видят. Они помнят. И, что самое пугающее, они, казалось, чего-то ждут. Казалось, они не угрожают, а просто внимательно следят, запоминая каждого, кто осмелится переступить порог. Само здание дышало тайной, оно было живым и эти застывшие существа были его неотъемлемой частью — молчаливыми свидетелями прошлого.

Размышления Миранды прервал громкий лязг железной задвижки. Ворота с глухим скрипом поползли внутрь, и прямо перед ней возникла фигура мистера Финна.

Это был грузный мужчина преклонных лет, но в его осанке чувствовалась стальная выдержка. Он был одет в безупречный костюм-тройку, который казался анахронизмом на фоне ливня и заброшенного поместья. Но больше всего Миранду поразили его глаза. Глубокие, почти прозрачные с отливом грозового неба, они казались способными заморозить само время. В их бездонной хрустальной синеве таилась первозданная чистота, обманчиво спокойная и пронзительно острая. Казалось, одним лишь взглядом он мог остановить дыхание, превратить мысль в ледяную крошку. Это была не просто игра света — это была сама вечность, смотрящая

на тебя сквозь призму человеческого облика. Атмосфера рядом с ним была волшебная, манящая, гипнотизирующая как воды Байкала. Рядом с этим человеком весь мир останавливался.

Его манеры были старомодны и изысканы, словно он сошел со страниц учебника по этикету для джентльменов викторианской эпохи. Каждое его движение было выверено и грациозно.

— Здравствуйте, миледи, — произнес он, и его бархатный голос, казалось, заглушил шум дождя. Мистер Финн склонился в изящном поклоне, не разрывая зрительного контакта. Затем он взял руку Миранды и коснулся её губами. Девушка даже не успела осознать, как её кисть оказалась протянутой в его сторону. Его прикосновение было сухим и прохладным.

И тогда он сказал это. Три слова, которые повисли в воздухе, смешавшись с шумом ливня:

— Мы вас ждали.

Мурашки побежали по спине у Миранды. Но это были не мурашки страха. Скорее... смутного отклика. «Он сказал "миледи". И "ждали". Меня? Или нас? Но папа с мамой явно не в его вкусе...» — пронеслось в голове. Сердце застучало чаще, но разум, вопреки логике, ликовал. «Он ждал именно меня. Почему? Потому что я чувствую это место? Потому что эти камни говорят со мной на одном языке?»

Вырвавшись из своих мыслей, Миранда увидела, что перед ней находится не парадный вход, а узкий проход в стене, больше похожий на крепостную щель. Он был обрамлен грубым камнем и уходил под сомкнувшиеся кроны древних елей, образуя короткий, поглощающий свет тоннель. Пройдя несколько шагов, они оказались в просторном, но запущенном внутреннем дворе. Двор был мощеным, сквозь плитки проросла упрямая трава, а по углам громоздились горы опавших листьев. Пахло сыростью, прелой листвой и чем-то еще — сладковатым и тяжелым, как запах старой пыли и увядших цветов. Справа виднелись остатки фонтана, где в застоявшейся воде темнела гниющая листва, а слева стояла деревянная беседка, вся оплетенная голыми стеблями плюща, словно паутиной. И только пройдя через этот забытый парк, миновав голые скрюченные яблони старого сада, они наконец оказались перед самим поместьем. Широкая каменная лестница, потрескавшаяся и поросшая мхом, вела к массивной дубовой двери с черными коваными петлями. Дверь была украшена сложным резным узором, который в полумраке можно было принять за сплетение ветвей, но, приглядеться— и из резьбы проступали искаженные лица и когтистые лапы. Над дверью, в нише, притаилась еще одна горгулья, самая крупная из увиденных. Ее пустые глазницы, казалось, просверливали новых гостей насквозь, а её каменная лапа мёртвой хваткой сжимала потухший факел. Мистер Финн, не оборачиваясь, поднялся по ступеням. Ключ в его руке с глухим щелчком повернулся в замке, и дверь бесшумно отворилась, впуская их в ожидавший их мир.

Мистер Финн повернулся и жестом пригласил их войти. Переступив порог, Миранда погрузилась в другой мир. Воздух был густым и неподвижным, пахнущим стариной, пылью веков и сладковатым ароматом тления старого дерева. Под ногами с глухим стоном скрипели половицы из темного, почти черного дуба. Гигантская хрустальная люстра, покрытая паутиной, бросала на стены причудливые, дрожащие тени. Стены украшали портреты в тяжелых золоченых рамах. Дамы в кринолинах и кавалеры в мундирах смотрели на них с высоты своего времени. Но их глаза... Казалось, зрачки движутся, провожая гостей. Один портрет, изображающий молодую женщину с трагическими, почти знакомыми глазами цвета горного малахита, заставил Миранду замереть. В уголке губ была та же родинка, что и у нее. Сердце Миранды екнуло. Это просто совпадение, игра света и паранойи в странном месте, — пыталась убедить она себя, но оторвать взгляд не могла.

Мистер Финн, наблюдавший за ее реакцией, лишь едва уловимо улыбнулся уголками губ.

- Гостиная и ваши будущие коллеги — здесь, — мягко произнес он, указывая на массивную дубовую дверь. — Думаю, вам есть что обсудить.

Он открыл дверь, пропуская их вперед. Переступив порог гостиной, Миранда замерла. Она не ожидала увидеть группу ребят.

В просторной, пропитанной запахом старого дерева и тайны комнате, находились — четверо незнакомцев, таких же молодых, как она сама. Они стояли по отдельности, словно фигуры на шахматной доске, еще не начавшейся игры, и их взгляды — настороженные, любопытствующие, испуганные — разом устремились на нее.

— А вот и наша творческая группа, теперь в полном составе — объявил Мистер Финн.

Глаза Миранды забегали по гостиной и пытаясь уловить всё, что можно запомнить, «Новая творческая группа» удостоилась повышенного внимания.

Возле массивного камина, в глубине которого тлели призрачные язычки пламени, к стене прислонился молодой человек в темной, слегка потертой на плечах косухе. Его стрижка была нарочито небрежной, а во взгляде читалась вызывающая уверенность. Он первым нарушил тягостное молчание.

— Ну что, приветствуем в декорациях к третьесортному готическому роману, — произнес он, и его губы тронула ухмылка. Но это не была улыбка радости. Скорее, оскал. — Надеюсь, твой костюм на роль «напуганной героини» приехал вместе с тобой!? — Он сделал паузу, и его глаза, цвета грозового неба перед разрядом молнии, оценивающе скользнули по паутине на потолке. — Знаешь, мне сообщили, что тут вся обстановка — прям классика эпохи королевы Анны, только «списанная версия». Типа, гостиную поставили под опытный полигон, где плесень доказывает теорию Дарвина. Наверное, последней ремонт делала бабушка Анны Болейн, и то случайно. А эти стены, шепчут, причём басом. Правда, как споры Aspergillus fumigatus, желающие пообщаться с твоими лёгкими и прожечь их. Советую закрыть рот и дышать поминимуму, пока они не начали рассказывать тебе сказки на ночь про рост мицелия и аллергические приступы. А я тем временем придумаю, как это всё уничтожить.

Его слова будто сняли невидимые оковы. От группы у окна, затянутого паутиной, плавно перетекающей с люстры на стену, отделилась девушка, чей внешний вид был ярким пятном в этом монохромном царстве. Челка, выкрашенная в цвет парашютного шелка, резко контрастировала с основной массой черных как смоль волос, собранными в два высоких хвоста. В ее руках, завешенных серебряными кольцами, находилась дорогая камера.

Ты же тоже новая, да? — выпалила она, и в её глазах вспыхнул тот самый огонёк, который бывает у людей, нашедших свою идею. — Меня зовут Хлоя. Я создаю цифровые легенды для брендов. Когда мистер Финн сказал, что хочет не просто отель, а место-историю — произнесла Хлоя одержимо проводя рукой по стене — я поняла — это мой главный проект. Посмотри! Абсолютный анти-тренд, и это... гениально! Мы не скроем эту жуть — мы продадим её как главную фишку. Самый атмосферный отель в мире, где живёт прошлое. Звучит блестяще, правда? Ты чувствуешь эту историю?

Пока Хлоя говорила, молодой человек в аккуратных очках и идеально выглаженной застёгнутой рубашке, не отрываясь, изучал стык деревянной панели и каменной стены. Он провел пальцем по шву, а затем внимательно посмотрел на подушечку.

— Атмосфера, если отбросить весь ваш романтический флер, это классический коктейль из спор плесени и продуктов гниения целлюлозы, — произнес он ровным, лишенным эмоций голосом, проводя пальцем по шву между стеной и панелью. Он затем внимательно посмотрел на подушечку. — Заказ на анализ биоповреждений. Лео. Колонии грибка в этом углу, по предварительной оценке, не менее пятидесяти лет. И это лишь видимая часть. Интересно, какую дозу микотоксинов мы здесь получим за ночь?

За его спиной, почти слившись с тенью тяжелой портьеры, стояла хрупкая блондинка. Ее большие, светло-синие глаза были полны страха. Она обхватила себя руками, словно пытаясь стать меньше.

— Мне здесь не нравится, — ее голос был тихим, как шелест падающего листа, но он резал слух. Все посмотрели на нее. — Меня зовут Имоджен. И, и мне не показалось. — Она нервно обернулась на темный коридор. — Кто-то только что прошел там. За моей спиной. Я не видела, но... слышала шаги. Они были... мокрыми. Она замолчала, вжавшись в стену, и Миранда заметила, как дрожат её руки. Не от страха перед шагами — от чего-то более глубокого. Словно она держала себя в руках из последних сил.

— Простите, — тихо сказала Имоджен, и в её голосе послышалась странная, надломленная решимость. — Я не должна была… Я просто очень устала. Мы ехали всю ночь. Я не спала — тихо произнесла Имоджен не добавив: «Потому что моя мама в больнице, и я считаю каждую минуту, которую провожу здесь, потому что эти деньги — единственный шанс её спасти».

В самом центре у стены, спиной ко всем, стоял высокий парень в простой серой толстовке. Казалось, он полностью игнорировал происходящее, все его внимание было поглощено каменной горгульей, чья голова венчала опору книжной полки. Он не просто смотрел — он изучал, вглядывался в каждую щербинку, каждый изгиб.

— Неверно, — раздался его спокойный, глубокий голос. Он обернулся, и Миранда встретилась с его взглядом — ясным и внимательным. — Вся анатомия не выдерживает критики. Грудная клетка недостаточно развита для крепления таких мышц. Эти крылья, — он указал на кожистые перепонки, — никогда бы не смогли поднять это тело в воздух. Расчет нагрузки примитивен. — Он посмотрел на парня в косухе, затем на Миранду, и в его глазах мелькнула искра неподдельного любопытства. — Это не бездарность скульптора. Это... намеренная стилизация. Или что-то еще. Они не должны были летать. Они должны были пугать. Или... наблюдать.

Миранда почувствовала, как ком страха в её горле стал еще больше, чем прежде. Она перевела дух и посмотрела на того, кто говорил первым — на насмешника у камина.

— А вы... вы все как приехали сюда и как на вас вышел Мистер Финн? — спросила она, и ее голос прозвучал тише, чем она хотела.

Парень в косухе усмехнулся, но на этот раз в его усмешке было меньше злости. — Один черт знает, зачем я здесь. — Он бросил взгляд на молодого человека в очках. — Это теперь наш местный специалист по плесени как ты уже поняла, Лео. С ним веселее — и он может предсказать, когда штукатурка упадет тебе на голову.

Лео кивнул с деловой серьезностью.

— С вероятностью в девяносто семь процентов в ближайшие двадцать четыре часа, если будет сквозняк.

Тогда Миранда повернулась к высокому парню, тому, что так внимательно рассматривал горгулий и давал им оценки.

— А вы…ты? — спросила она. —тоже... специалист?

Он внимательно посмотрел на нее, и его серые глаза, казалось, сканировали ее так же, как до этого — каменное изваяние.

— Элиас, — представился он просто. — Я изучаю скульптуру её анатомию, архитектуру. И то, как одно выдает тайны другого. Он снова посмотрел на горгулью. — Здесь много таких «несоответствий». Слишком много, чтобы это было случайностью. Его слова повисли в воздухе, добавив новый, здравый и научный слой к общей атмосфере тревоги. Казалось, сам дом под этим взглядом переставал быть просто мрачным поместьем, а становился объектом с неправильной, намеренно искажённой анатомией. Наступила тягостная, полная недосказанностей тишина. Кто-то переминался с ноги на ногу, Хлоя задумчиво водила пальцем по корпусу камеры, Лео делал заметки в планшете, Имоджен съёживалась ещё сильнее.

Миранда ушла в свои мысли. Она прокручивала в голове слова Финна: «Мы вас ждали». Почему именно её? Она была здесь только потому, что Брайан сломал руку. Случайность. Или нет?

Она вспомнила, как мама сказала: «Ты справишься». Не «поможешь», а «справишься». Будто проверяла. Будто хотела увидеть, потянет ли Миранда хоть что-то без их контроля. И Миранда вдруг остро поняла: она не может уехать. Если она сейчас сорвётся и убежит, мама будет права. Она снова будет «девочкой, которая не справилась».

«Нет, — подумала она, сжимая кулаки. — Я здесь. Я останусь. И я докажу, что могу. Что бы здесь ни происходило».

Слова мистера Финна — «Мы вас ждали» — прозвучали в голове Миранды с новой, зловещей силой. Но теперь в них слышался не только страх. Ещё и вызов.

Это была не просто вежливость. Это была констатация факта. Он собрал их здесь. Всех. И теперь эта случайная группа незнакомцев, от скептика до энтузиаста, от логика до мистика и наблюдателя, была заброшена в самое сердце тайны, из которой предстояло выбраться вместе. И пока Миранда вела немой диалог в своей голове она не видела ничего вокруг. Ни странного взгляда Элиаса, ни мистера Финна, который стоял в стороне и смотрел прямо на нее. Его лицо было невозмутимым, но в этих бездонных глазах плескалось что-то нездоровое , искра которая не могла быть просто интересом к новому работнику, он как будто он сверял ее с неким внутренним образом, сравнивал или представлял, на её месте кого то другого. Он медленно подошел к ней, игнорируя остальных, и именно в данный момент эту тишину и такую странную идиллию, созревшую и налитую скрытыми вопросами, нарушил бархатный голос хозяина. Мистер Финн, всё это время наблюдавший за Мирандой и всеми в этой комнате с лёгкой, нечитаемой улыбкой в уголках губ, сделал плавный шаг вперёд, вновь собирая внимание воедино.

— Комнаты наверху готовы, для всех, — такая ровная и безупречно гостеприимная фраза, была произнесена Финном, он обвел всю группу взглядом, будто легко касаясь каждого На мгновение в его глазах, этих бездонных колодцах ледяной синевы, промелькнуло что-то вроде удовлетворения режиссёра, расставившего по местам актёров. Затем он сделал едва заметную, но будто отточенную паузу. Воздух снова сгустился. Его взгляд, будто намагниченный невидимой силой, медленно, неотвратимо вернулся к Миранде. Он ещё сильнее приблизился к ней — и встал на границе её личного пространства, сократив дистанцию так, что все остальные автоматически оказывались на периферии. Голос его снизился, стал более интимным, но это был публичный шёпот. Рассчитанный на то, чтобы все слышали, но понимали — обращено это исключительно к ней. — Для вас, миледи я отвел особую, отдельную комнату... «Синюю комнату». Уверен, виды из ее окна вас тронут... Они выходит на старый сад. Там когда-то цвели самые прекрасные и самые ядовитые цветы во всем Вересьеве.

Он снова взял ее руку, но на этот раз не поцеловал, а просто на мгновение задержал в своей прохладной ладони.

— Наследство, миледи, — прошептал он так тихо, что это вполне могло быть игрой воображения. — Иногда настигает тогда, когда его совсем не ждешь.

Он отпустил ее руку и, обведя взглядом всех разом, будто фиксируя каждого на невидимой карте в последний раз , громко объявил:— У вас есть немного времени, чтобы познакомиться поближе и... обсудить первые впечатления, — его взгляд скользнул по лицам, ненадолго задержавшись на Миранде, прежде чем он был отведен сторону. — Мне же необходимо на время отлучиться для беседы с вашими уважаемыми коллегами, мистером и миссис Рейн.

Все невольно проследили за его взглядом. Родители Миранды всё это время стояли у одного из высоких окон, отчаянно пытаясь сохранить деловой вид. Лия что-то тихо, но очень интенсивно говорила Дэрэку, который смотрел в окно на бушующий дождь, его плечи были неестественно напряжены. Было ясно — они тоже чувствуют, что что-то не так, и пытаются это обсудить без лишних ушей.

— Они помогут мне окончательно определиться с творческим направлением нашего общего проекта, — продолжил Финн, возвращая внимание к группе. — А через некоторое время моя экономка, миссис Гленмор, придёт и проводит вас в ваши комнаты на втором

этаже. — Он поднял палец, и этот простой жест вдруг показался повелительным. — Прошу запомнить: третий этаж в данный момент закрыт для посещения. Там идут... реставрационные работы. Для вашей же безопасности и удобства просьба — не нарушать это правило.

Он снова склонился в лёгком, изящном поклоне, адресованном всем, но завершил его, вновь устремив свой ледяной взор на Миранду.

— Итак, я вас оставляю. Наслаждайтесь обществом друг друга и атмосферой «Плазы». Уверен, она окажется для вас весьма... вдохновляющей. С этими словами он плавно развернулся и бесшумной поступью направился к Лии и Дэрэку. Те, заметив его приближение, резко оборвали свой разговор, их лица мгновенно приняли профессионально-заинтересованные выражения. Финн что-то тихо сказал, жестом приглашая их пройти за собой через арочный проём в дальний конец зала. Через мгновение трое взрослых скрылись в полумраке коридора, оставив шестерых молодых людей наедине с портретами, горгульями и нарастающим ощущением, что они только что получили не приглашение к творчеству, а набор странных и жутких правил для новой, негласной и необъявленной игры. Дверь в дальнем конце зала закрылась, отрезав последний луч света из коридора и оставив их в царстве дрожащих свечных теней и пристальных взглядов с портретов.

Глава 3. Ужин при свечах уходящих теней.

В наступившей паузе Элиас, не меняя выражения лица, перевёл свой ясный, аналитический взгляд с закрытой двери на Миранду. Он не сказал ни слова, но в его серых глазах читалась не просто наблюдательность, а быстрая, безошибочная оценка ситуации. Он услышал: избранное обращение «миледи», отдельная комната, шёпот, который слышала только она, и заметил этот странный, пронизывающий взгляд хозяина. В разуме Элиаса, привыкшего изучать форму и находить в ней скрытую структуру, сложился первый, тревожный пазл: Миранда была не просто частью группы. Она была ключевым элементом в замысле мистера Финна. Центром, вокруг которого всё вращалось. И это делало её одновременно самой важной и самой уязвимой из всех, кто стоял в этой комнате.

Холодок от прикосновения Финна смешался с новым, иным холодком — от понимания, что её странное положение уже стало предметом чужого, очень внимательного изучения.

Тишина, преследовавшая Миранду в этой комнате, была особой — не мирной, а выжидающей, будто сам дом затаил дыхание, чтобы лучше расслышать их первые слова, и тишина длилась ровно столько, сколько требовалось, чтобы шаги в коридоре окончательно затихли. Казалось, дом, наконец оставшись наедине с молодёжью, перестал притворяться и выпустил настоящее дыхание, дом выдохнул, выпустив запах пыли, сырости и чего-то кисловатого, приторного.

Первым взорвал это молчание, конечно, тот самый парень с едкими замечаниями чьё имя ещё не звучало в этих стенах. Он фыркнул и с силой оттолкнулся от стены, у которой стоял всё это время.

— Ну что, дети малые, — произнёс он, и в его голосе звучала не просто насмешка, а усталая, прожжённая цинизмом горечь. — Поздравляю с зачислением в самый богоугодный пансион «Упырь Финна». Спальные корпуса — на втором, учебные — где попало, а на третий этаж — ни ногой. Классика. Знакомимся. Меня, если кому-то невтерпёж узнать, зовут Кай. Однокурсник Лео. Только не смейте называть меня его напарником. — Он бросил язвительный взгляд на молодого человека в очках. — Мы с этим ходячим учебником по микологии учимся на одном факультете. Он выбрал плесень, а я — всё, что может эту плесень сожрать, разобрать на молекулы или как минимум эффектно взорвать. Считайте меня специалистом по нестандартным решениям и ликвидации биологического мусора. Вот только наш дорогой заказчик, кажется, сам является главным экспонатом этой коллекции. Он говорил быстро, отрывисто, и за каждым словом сквозила умная, едкая злость, которая была куда страшнее простого хулиганства. Этот парень был не просто «грубой силой». Он был умным, озлобленным и, судя по всему, чувствовал себя в этой ловушке не менее болезненно, чем все остальные.

Лео, к которому невольно обратились все взгляды после этой тирады, лишь вздохнул, не отрываясь от планшета.

— Кай прав в части нашего учебного заведения. И в части биологической опасности. Всё остальное — эмоциональный шум. Рад… констатировать факт нашего общего присутствия. — Он посмотрел на Миранду через стёкла очков, и его взгляд был холодным, сканирующим. — А вы, судя по особому вниманию со стороны администрации, либо ключевой актив, либо главная проблема.

Его слова, произнесённые без эмоций, ударили по Миранде больнее, чем колкости Кая. Она почувствовала, как кровь отливает от лица. «Главная проблема». Возможно, так оно и есть.

— Я… — начала она, но её перебила Хлоя. Та, казалось, совсем не чувствовала леденящей атмосферы.

— О, боже, это же гениально! — воскликнула она, хлопая в ладоши. — Мы же все из разных областей! Биоинженерия, — кивок на Кая и Лео, — цифровой сторителлинг, — она

указала на себя, — и ты! Ты наша загадочная переменная! Ты в теме с заказчиком! Мы создадим такую легенду, что…

— Мне здесь не нравится, — тонкий, дрожащий голосок перерезал её поток речи, как лезвие. Все обернулись к Имоджен. Она, казалось, ещё сильнее вжалась в тень, её пальцы белели от того, как сильно она вцепилась в собственные плечи. — И я… я не хочу быть частью чьей-то легенды. Я хочу уехать. Сейчас. После её слов воцарилась тяжёлая пауза. Желание Имоджен было настолько простым и таким невозможным, что повисло в воздухе нелепым, болезненным упрёком ко всем, кто пытался рационализировать происходящее. И тогда заговорил Элиас. Он всё ещё стоял в своей позиции наблюдателя, его спокойный, глубокий голос принёс странное облегчение.

— Искусствоведение, анатомия. Я здесь, чтобы изучать несоответствия как я уже говорил. — Он повернул голову и посмотрел прямо на Миранду. Его янтарные глаза были ясными и неотрывно смотрели на неё. — А вы, похоже, — главное несоответствие в этой комнате. Вас ждали. Вас выделили. У вас есть имя?

Этот прямой, лишённый осуждения вопрос заставил Миранду выпрямиться. Она чувствовала на себе все взгляды: едкий — Кая, холодно-аналитический — Лео, пытливый — Хлои, испуганный — Имоджен и этот — изучающий, но честный — Элиаса.

— Миранда, — выдохнула она, заставляя голос звучать твёрже. — Миранда Рейн. Мои родители — те, кто ушёл с Финном. А я… я просто должна была помочь снять несколько кадров.

Кай фыркнул.

— «Просто помочь снять несколько кадров», — передразнил он её, качая головой. — Да, конечно. И меня сюда привезли «просто продезинфицировать пару углов». А её, — он кивнул на Хлою, — «просто написать красивый текст». Мы все здесь не просто так, Принцесса. Особенно ты. Так что, может, перестанешь делать вид, что ты случайная девочка с фотокамерой, и расскажешь, что за наследство тебе тут нашли?

Слово наследство, произнесённое вслух, прозвучало в тишине комнаты как взрыв. Миранда почувствовала, как холодеют кончики пальцев.

— Я… я не знаю, о чём вы, — сказала она, и это прозвучало фальшиво даже в её собственных ушах.

Именно в этот момент, когда напряжение достигло пика и неправда Миранды повисла в воздухе тяжёлым, липким комом, дверь гостиной тихо отворилась. На пороге стояла сухая, прямая фигура экономки, миссис Гленмор.

— Комнаты готовы. Прошу вас следуйте за мной. Ужин через час. Не опаздывайте.

Её появление было как удар хлыста, возвращающий их к навязанным правилам. Знакомство, вернее, его мучительное и неуклюжее начало, было прервано. Но семена недоверия, страха и интереса уже были брошены в почву этой странной ночи. И теперь их странной компании предстояло идти по тёмным коридорам, неся этот груз с собой.

Миссис Гленмор шла впереди, её силуэт чётко вырисовывался в мерцающем пламени свечи, которую она держала на расстоянии вытянутой руки. Лестница ведущая на второй этаж скрипела под их шагами, каждую ступеньку будто бы нехотя отпускала из объятий тишины. Коридор наверху был узким и длинным, стены уставлены тяжелыми шкафами и вазами, в которых застыли увядшие, но всё ещё пахнущие цветы.

– Дамы вперёд, – произнесла экономка сухо, остановившись у первой двери слева. – Для молодых леди. Комната рассчитана на двоих. Всё необходимое внутри.

Хлоя сразу же проскользнула внутрь, и уже через секунду оттуда послышался её восхищённый вздох. Имоджен задержалась на пороге, озираясь с опаской, будто боялась, что за дверью её ждёт что-то большее, чем просто спальня.

Комната девушек оказалась вытянутой, с двумя узкими кроватями, разделёнными тумбочкой с мраморной столешницей, покрытой сетью мелких трещин. Стены были оклеены обоями с блеклым, едва уловимым узором из полевых цветов – когда-то голубых и розовых, теперь выцветших до оттенков грязного чая. У каждой кровати было своё малое окно, затянутое плотной кисеёй с бахромой. Но главной достопримечательностью, вызвавшей восторг Хлои, стал туалетный столик с огромным овальным зеркалом в широкой раме из чёрного резного дерева. Поверхность зеркала была слегка волнистой, искажая отражения, придавая им призрачную зыбкость. В углу, на полу, лежал потрёпанный коврик с выцветшим и подтёртым узором.

– Посмотри, Имоджен, зеркало! Оно идеально для съёмки настроения! И эти обои… такой винтажный отпад! – Хлоя уже примеривалась камерой к раме.

Имоджен же, ступив на скрипучий пол, лишь снова обняла себя. Её взгляд прилип к одному из окон.

– Здесь… сквозит, – прошептала она. – И пахнет… как в бабушкином сундуке. Лавандой и… грустью. – Она не стала добавлять, что грусть эта казалась ей слишком старой и липкой.

– О боже, это же настоящее винтажное кружево! – донёсся голос Хлои изнутри. – Имиджево, очень имиджево. Имоджен, иди сюда, посмотри на этот вид из окна… ну, на то, что от него осталось.

Миссис Гленмор, не дожидаясь дальнейших комментариев, не выразив ни одобрения, ни порицания, двинулась дальше по коридору. Пройдя чуть больше двух метров, она остановилась у следующей двери справа. Дверь была массивной, темного дерева, с синей, потускневшей от времени фарфоровой ручкой.

– Для вас, мисс Рейн, – сказала экономка, и её голос прозвучал чуть более официально, чем прежде. – «Синяя комната». Его милость лично распорядился о её подготовке.

Миранда взялась за холодную ручку. Дверь открылась бесшумно, впуская её в пространство, наполненное густыми сумерками и тем самым сладковатым запахом, который она уже начала узнавать. На мгновение её охватило странное чувство – не страха, а скорее обреченного любопытства. Она кивнула миссис Гленмор, та ответила едва заметным наклоном головы и пошла дальше.

Ещё через пару метров, также справа, экономка указала на последнюю дверь на этом участке коридора. Она была самой невзрачной – простые панели из светлого, но потемневшего от времени дерева, простая железная ручка.

– Для молодых людей. Кай тут же протиснулся вперёд, заглянул внутрь и фыркнул.

– Ага. Койко-место. – фыркнул он. – Ну что, коллеги по несчастью, разделяем хоррор-нюансы? Ну или три койки, соседи, делим шкаф и одно окно на троих? Прямо как в армейской казарме для низшего состава, ну или как камера хранения для забытых вещей. – фыркнул Кай и обернулся к Лео и Элиасу. – Ну что, господа учёные кидаем кости и вещи? Или ты, – кивок в сторону Элиаса, – предпочтёшь ночь в обнимку с одной из тех горгулий на лестнице?

Комната парней была не просто тесной — она была вскрытой раной, которую забыли зашить. С потолка, по которому змеилась трещина, медленно сползало что-то маслянистое, поблёскивающее в тусклом свете единственной свечи. Оно не капало, а ползло, оставляя за собой влажный след, который тут же впитывался в обои, проступая на другой стороне стены бурым, расплывчатым пятном.

Кай застыл на пороге, впуская в себя эту комнату, как диагноз. Воздух здесь был плотным, как одеяло, которым накрывают лицо умирающего. В нём смешались запахи: затхлая сладость старой штукатурки, резкий, металлический привкус ржавчины и что-то ещё, смутно знакомое, от чего у него свело желудок. Запах паники, оставленной здесь предыдущими жильцами. Он чувствовал его ноздрями, как зверь.

Три железные койки стояли впритык друг к другу, как тела в общей могиле. Кай сел на крайнюю. Пружины жалобно скрипнули, и ему показалось, что этот звук — не механический, а живой. Будто матрас вздохнул, признавая его вес.

Он провёл пальцем по тонкому, потертому покрывалу. Ткань была влажной на ощупь и оставляла ощущение, будто он прикоснулся к чему-то, что не должно быть тёплым. На пальце осталась маслянистая плёнка, которая не высыхала, а медленно впитывалась в поры, оставляя холодок, поднимающийся по сухожилиям к запястью.

Лео, как заведённый, сразу направился к тёмному, влажному пятну у плинтуса. Он не шёл, а крался, принюхиваясь, его лицо в свете планшета было неестественно белым. Датчик издал не писк, а низкий, вибрирующий звук, похожий на отдалённый стон.

— Подтверждаю. Активная колония. Но это не просто грибок, — его голос дрогнул. — Это структурировано. Споры организованы по спирали. Это не плесень. Это что-то, что пытается читать нас.

Элиас стоял у окна, не оборачиваясь. Он смотрел на кирпичную стену в полуметре от стекла, на дождевые потоки, стекающие по ней, как слёзы.

— Слышите? — спросил он тихо.

Сначала ничего. Потом из глубины стены донёсся звук. Ритмичный. Тук... тук... тук... Слишком медленный для водопровода. Слишком тяжёлый.

— Это не трубы, — прошептал Лео, и голос его сорвался. — Это... прислушивается.

Кай сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Ему хотелось разбить это окно, выпрыгнуть наружу, раствориться в серой стене, лишь бы не слышать этот звук. Но он не мог пошевелиться. Страх, который он всегда носил в себе — за брата, за ту тень, что следовала за ними — теперь обрёл форму. Он стучал из стены. Он ждал.

«Чего я здесь добился? — пронеслось у него в голове. — Влип в эту историю, даже не спросив, куда еду. Идиот».

Он закрыл глаза, и перед внутренним взором всплыло лицо брата. Младшего. Тот стоял в тёмном переулке, прижатый к стене двумя фигурами в чёрном. В его глазах была паника.

— Ты должен нам, — сказал тогда один из них, глядя не на брата, а на Кая. — Или мы сломаем ему руки. Выбирай.

Кай выбрал. Он согласился отдать долг. И теперь этот чёртов дом, этот Финн, эти странные люди вокруг — всё это была просто цена. Цена за то, чтобы брат был цел. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль помогала сосредоточиться.

— Эй, ты в порядке? — голос Лео вырвал его из мыслей.

Кай открыл глаза и сел на кровати. Его лицо было каменным, безэмоциональным.

— В полном, — отрезал он. — Просто устал с дороги. Лео смотрел на него с секунду, потом пожал плечами и отвернулся к пятну плесени на стене. Но Кай чувствовал на себе взгляд Элиаса — тот стоял у окна и молча наблюдал за ним, будто что-то вычислял.

«Оставьте меня в покое», — мысленно приказал Кай. Но вслух ничего не сказал.

В дальнем углу, у самого пола, виднелось тёмное, влажное пятно. Лео, войдя, минуя кровати, тут же направился к нему, доставая планшет.

– Подтверждаю: активная колония. Три спальных места… расположение не оптимальное с точки зрения циркуляции воздуха. Влажность явно выше санитарной нормы. – Он постучал костяшками пальцев по стене между двумя кроватями. – Пустотелость. Вероятно, вентиляционный ход. Общий на три этажа, если судить по эху. – Достаточно пространства для трёх человек. Уровень пыли на поверхностях предсказуемо высок. Споры. Нужно будет проветрить.

Он говорил ровно, без эмоций, но внутри него всё кипело. Он смотрел на это пятно плесени и чувствовал странное, почти болезненное возбуждение. Никто из его коллег не видел

ничего подобного. Это был уникальный образец. Если он сможет его исследовать, если он сможет опубликовать статью…

«Ты никогда не будешь настоящим учёным», — прошептал голос в его голове. Голос его научного руководителя, которого он ненавидел и боялся. — «Ты просто мальчик с игрушками. Тратишь время на ерунду».

Лео сжал планшет так, что пластик затрещал. Он не был мальчиком с игрушками. Он был специалистом. Лучшим в своём деле. И это место — его шанс доказать это. Даже если оно пахнет смертью и гнилью.

Элиас вошёл последним. Его взгляд, привыкший оценивать пропорции, мгновенно охватил скудное пространство: три кровати, одно окно, одна дверь. Он подошёл к окну, посмотрел на кирпичную стену, почти вплотную прижатую к стеклу, затем обернулся, мысленно измерив расстояние от каждой кровати до выхода. – Планировка принудительного размещения, – тихо заметил он. – Три койки – максимум для данного объёма. Окно – ложный источник света. Выход – один, и он контролируется извне. – Его взгляд остановился на пустом пространстве между кроватями. – Никакого личного пространства. Интересный психологический ход.

Когда дверь в комнату парней закрылась, в коридоре наступила зыбкая тишина. Её нарушил Кай, снова высунув голову. – Эй, Принцесса! – негромко крикнул он в сторону двери Миранды. – И как там в королевских покоях? Небось, с балдахином и личным призраком? Лео одёрнул его изнутри комнаты, но Кай не остановился и продолжал :– И долго ты будешь там отмалчиваться? Мы тут общежитие образца позапрошлого века осваиваем! Три койки, три стула – ой, нет, стульев-то и нет! – громче добавил он с фальшивой весёлостью.

Из-за двери послышался сдержанный голос Лео: «Кай, это неконструктивно. У нас есть горизонтальные поверхности для сна, что является базовой потребностью».

– Базовой, но неравной! – уже с искренней досадой парировал Кай. – Ей – целая вселенная в синих тонах с видом на легенды, а нам – клетка на троих с видом на кирпич и запахом вечной сырости. Это демонстрация и дискриминация. – Несправедливость, я считаю. Всех собрали тут как скот, не успели начать работать как уже делят на сорта. Очень мило.

Он отвернулся, чтобы никто не увидел его лица. Но Миранда успела заметить, как дёрнулся его кадык, когда он сглатывал. Это была не злость на неё. Это было что-то другое. Словно он снова чувствовал себя тем, кого выбрали не для главной роли, а просто чтобы заполнить пустоту.

«Они смотрят на меня как на расходный материал, — думал Кай, стоя в тёмном коридоре. — Как на того, кого можно использовать и выбросить. Как всегда».

Он не знал тогда, что это чувство — быть лишним в чужой игре — станет его главным врагом в этом доме. И что дом будет играть на этом, как на струне.

Дверь синей комнаты приоткрылась шире и Миранда полностью вышла в коридор. Она стояла, оперевшись на дверной косяк, и теперь в её взгляде, помимо усталости, читалось смутное понимание.– Поверь, мне от этого «преимущества» не легче, – сказала она тихо.

– Думаешь, легче нам? – Кай ухмыльнулся, но жест его руки, указывающий вглубь их тесной комнаты, был выразителен.

– Я не просила эту комнату, – тихо, но чётко сказала она.

– Да никто и не думал, что просила, – Кай язвительно улыбнулся. – Просто совпадение, что хозяин смотрит на тебя, как на потерянную драгоценность, да? Ладно, ладно.

Позже, собравшись у лестницы, обсуждение комнат продолжилось с новой силой.– Три кровати в одну линию, как в поезде, – мрачно констатировал Кай, бросая взгляд на свою дверь. – И шкаф один на всех. Кто будет дежурить у окна, чтобы хоть немного света поймать?Лео, просматривая заметки, добавил:– Плотность размещения превышает рекомендуемые нормы для временного проживания. Это создаёт дополнительный психологический дискомфорт и ускоряет распространение возможных патогенов воздушно-капельным путём. В вашей же комнате,

Миранда, объём воздуха на одного человека значительно выше.Элиас кивнул в сторону их двери:– Три кровати – это не просто экономия пространства. Это намеренное создание среды напряжённого соседства. Ни уединения, ни возможности для приватного разговора. Всё на виду. В то время как ты, – он посмотрел на Миранду, – изолирована. Полная противоположность. Тебя отделили не для комфорта, а для наблюдения. Или для чего-то ещё.

Их разговор, полный горечи, недовольства и растущих подозрений, был грубым, но честным ритуалом объединения перед лицом явной, почти осязаемой несправедливости дома и его хозяина. И эта несправедливость, как теперь все понимали, начиналась с самого простого – с неравенства четырёх стен и количества кроватей в них.

Позже, когда напряжение от первичного осмотра комнат немного спало после общего и бурного обсуждения, не растворив чувство несправедливости и недоумения, по лестнице донёсся знакомый, скользящий звук шагов. Все невольно обернулись.

Мистер Финн появился на верхней площадке подобно призраку, возникшему из самой тени. Он был по-прежнему безупречен в своём тройном костюме, и даже в слабом свете его глаза казались двумя источниками ледяного, внимательного сияния. Он окинул собравшуюся у дверей молодёжь медленным, всеохватывающим взглядом, будто считывая с их лиц все мысли о тесноте, плесени и отдельной синей комнате.

– А, вы уже вышли? – произнёс он своим бархатным, заглушающим скрипы голосом. Лёгкая, ничего не значащая улыбка тронула его губы. – Прекрасно. Надеюсь, все успели немного обустроиться? Осмотреться?

Его вопрос повис в воздухе, прямой и опасный. Хлоя, первая оправившись, сделала шаг вперёд с профессиональной, но слегка натянутой улыбкой.

– Всё очень… атмосферно, мистер Финн. Комната у нас с Имоджен просто находка для контента.Имоджен лишь молча кивнула, пряча взгляд.

Взгляд Финна плавно переместился на парней. Кай, засунув руки в карманы, смотрел куда-то мимо него, демонстративно изучая узор на потолке. Лео выпрямился, приняв нейтрально-деловое выражение лица. Элиас встретил взгляд хозяина спокойно и безразлично, будто рассматривал ещё одну статую.

– Всё соответствует ожиданиям, – сухо, как отчёт, произнёс Лео. – Условия для временного размещения соблюдены.– Три кровати. Как в старом добром скаутском лагере, – добавил Кай, не меняя позы, и в его голосе прозвучала плохо скрываемая колкость. – Очень… сплачивает. Сказал он, но конец фразы остался только в его мыслях – *К одному простому действию действию, оставить тебя тут с поправленным лицом-*

Финн не дрогнул. Его улыбка стала чуть шире, но от этого не теплее.– Рад, что оценили. Поместье хранит дух былых времён, когда ценили простоту и близость. А тесное соседство, как известно, рождает крепкую дружбу. – Его глаза, будто намагниченные, вновь нашли Миранду, стоявшую чуть в стороне. – А вы, миледи? «Синяя комната» нашла отклик в вашей душе? Вид из окна… он обладает особой меланхоличной прелестью, не правда ли?

Все взгляды, как по команде, устремились на Миранду. Она почувствовала, как по спине пробегает холодок под пристальным вниманием хозяина и любопытством остальных.– Комната… очень необычная. Спасибо, – выговорила она, снова выбирая максимально нейтральные слова.

– Прекрасно, – удовлетворённо протянул Финн, и в его голосе прозвучали ноты того самого режиссёра, довольного игрой актёров. – Я очень надеюсь, что каждому из вас здесь будет по-своему… вдохновенно. И, раз уж все в сборе, позвольте ещё раз мягко напомнить: третий этаж, по соображениям безопасности, остаётся вне пределов досягаемости. Реставрационные работы – дело неспешное и хрупкое. Прошу отнестись с пониманием.

Он сделал паузу, давая этим словам прочно осесть в сознании. Кай едва заметно перекатился с носка на пятку, выражая нетерпение.

– А теперь, – продолжил Финн, и его тон снова стал гладким и гостеприимным, – полагаю, настало время подкрепиться после долгого дня. Миссис Гленмор приготовила скромный ужин. Надеюсь, вы не разочаруете её кулинарные старания и соберётесь в столовой через… положим, десять минут? – Он не спросил, а мягко, но недвусмысленно констатировал. – Уверен, за столом вам будет о чём поговорить. Общие впечатления, творческие идеи… – Его взгляд скользнул по лицам, задерживаясь на каждом дольше, чем было нужно для простой вежливости. – И помните, «Mystic Plaza» рад каждому из вас. Каждому по-своему.

С этими словами, вновь склонившись в лёгком, изящном поклоне, на этот раз адресованном всей группе, но завершённым мимолётным, пронзительным взглядом в сторону Миранды, мистер Финн развернулся и бесшумно скрылся внизу лестницы.

В коридоре воцарилась тяжёлая пауза.– «Каждому по-своему», – передразнил Кай шёпотом, но с отчётливой горечью. – Это уж точно. Одним – по комнате и вид на сад, другим – по койке и вид на грибок. Очень справедливо.– Он знает, что мы недовольны, – тихо, но чётко сказал Элиас. – И его это не просто не беспокоит. Это – часть плана. Разделить, выделить, создать напряжение.– Ну что ж, – вздохнула Хлоя, уже менее восторженно. – Тогда пойдём ужинать. Обсудим наши… неравные впечатления. Только, чур, не говорить при экономке. Она выглядит так, будто каждое наше слово сразу же доложит ему на ухо.Имоджен лишь кивнула, её взгляд боязливо скользнул в сторону тёмного пролёта лестницы, куда скрылся хозяин.

Группой, теперь уже связанной не только страхом перед неизвестным, но и горьким осознанием искусственно созданной между ними иерархии, они неохотно потянулись вниз, навстречу ужину, за которым, как все чувствовали, их ждали не только блюда миссис Гленмор, но и новые, ещё более неприятные открытия.

Малая столовая оказалась комнатой с низким, кессонным потолком, под которым покоилась ещё одна, поменьше, хрустальная люстра, на этот раз зажжённая. Свет её дрожал, отражаясь в полированной поверхности длинного стола из тёмного дуба, способного усадить человек двенадцать, но сейчас накрытого лишь с одного конца. Девять комплектов приборов — восемь для них и одно, явно хозяйское, во главе. Стены были обшиты тёмными деревянными панелями до половины, выше — тяжёлая ткань цвета бордо. На стенах — не портреты, а мрачные натюрморты: битая дичь, увядающие фрукты, тусклый блеск кубков. В воздухе пахло воском, старым деревом и… жареным мясом с непривычными, пряными нотками.

Родители Миранды уже сидели по правую руку от пустого хозяйского кресла. Лия держала себя с привычной, железной деловой собранностью, но пальцы её нервно перебирали край салфетки. Дэрэк выглядел подавленным; он сидел, откинувшись на спинку стула, и его взгляд блуждал где-то между люстрой и тарелкой. Они оживились, когда вошла молодёжь.

— А, вот и вы! — Лия постаралась, чтобы её голос прозвучал бодро, но получилось натянуто. — Проходите, садитесь. Миссис Гленмор сейчас всё подаст.

Все расселись, но не без труда, ощущая неловкость от формальной обстановки и пустующего во главе стола кресла. Прямо в этот момент дверь из буфета открылась, и в комнату вошла миссис Гленмор. Она несла большой фарфоровый супник. Молча, с каменным лицом, она расставила перед каждым тарелки с густым, тёмным бульоном, в котором плавали неясные коренья и куски мяса.

Только когда экономка удалилась, Лия, понизив голос до полушёпота, заговорила быстро и деловито:— Слушайте, мы тут с мистером Финном кое-что обсудили и решили.

Все взгляды устремились на неё. Даже Кай перестал изучать содержимое тарелки с подозрением.

— Ситуация с машиной, — начала Лия, — сложнее, чем мы думали. Нужна деталь, которую не найти здесь ночью. Поэтому мы с Дэрэком уезжаем в город. Утром приедет водитель Финна, привезёт нового садовника и заберёт нас в город.В её голосе звучала непоколебимая решимость, но в глазах мелькало что-то другое — тревога, которую она пыталась задавить.

— Но работа не ждёт! — Она сделала паузу, дав этому утверждению повиснуть в воздухе. — Финн… мистер Финн согласен, что концепцию и первые наброски легенды для отеля можете подготовить именно вы. Молодёжь. Свежий взгляд.

— То есть… вы нас бросаете здесь? — спросила Миранда, и её голос прозвучал громче, чем она хотела.

Она смотрела на родителей, и внутри неё боролись два чувства. Страх — потому что она оставалась одна в этом жутком месте. И что-то другое. Что-то похожее на злость.

«Они проверяют меня, — поняла она вдруг. — Мама хочет увидеть, справлюсь ли я без неё. Папа хочет убедиться, что я не испорчу проект».

Она хотела крикнуть: «Я не хочу здесь оставаться! Я боюсь!» Но слова застряли в горле. Если она сейчас сорвётся, если она покажет слабость, мама будет права. Она снова будет той девочкой, которой нужна поддержка. А Миранда так устала быть этой девочкой.

— Не бросаем, Мири, — вмешался Дэрэк, и его голос был усталым и виноватым. — Мы решаем вопросы логистики. А ты… вы — справитесь. Мы уже накидали базовый сценарий, эскиз. — Он потянулся к лежащей рядом на столе папке и вытащил несколько листов с хаотичными заметками и стрелочками. — Всё тут. История поместья, призрачная легенда, атмосферные точки для съёмки.

Лия подхватила, указывая взглядом на Имоджен, которая сидела, сгорбившись, будто пытаясь стать невидимой:— Имоджен, Финн… нам говорил, что вы пишете. У вас есть талант к нарративу. Мы видели ваши студенческие работы. Вы сможете взять этот сырой материал, — она кивнула на листы, — и превратить его в полноценную, живую историю. В сценарий. Это будет вашей основной задачей.

Имоджен вздрогнула, как от прикосновения. Её широкие глаза наполнились чистым ужасом.— Я?.. Но я… я не…— Вы справитесь, — Лия перебила её мягко, но непререкаемо. Имоджен опустила голову, пряча глаза. Она хотела сказать «нет», хотела встать и выбежать из этой мрачной столовой. Но она вспомнила мамино лицо в больничной палате, бледное, с тёмными кругами под глазами. Вспомнила, как мама сжала её руку и сказала: «Поезжай. Это наш единственный шанс».

«Я не могу подвести её, — подумала Имоджен, сжимая в кулаке край скатерти. — Я не имею права».

Она подняла голову и выдавила из себя: — Я постараюсь.

Миранда почувствовала, как у неё сжимается желудок. Её бросили здесь, в этом жутком месте, с кучкой незнакомцев, и теперь ещё навязали партнёрство с самой испуганной из них, возлагая на них двоих ответственность за какой-то сценарий.

— Мы справимся, — сказала она, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. Она почти поверила в это.

— А мы что будем делать? — спросил Кай, тыкая вилкой в мясо в своей тарелке. — Любоваться на их творческие муки?— Вы, — Лия перевела на него свой деловой взгляд, — будете обеспечивать базу. Лео — оценка состояния помещений с точки зрения… биобезопасности и аутентичности. Кай — помощь ему и, возможно, решение нестандартных технических вопросов. Элиас — консультант по историческому антуражу, скульптуре, всему, что касается «духа места». Хлоя — немедленно начинает визуализацию: атмосферные фото, зарисовки для

будущих роликов. Вы — команда. — Она произнесла это так, будто выдавала неоспоримый факт.

В этот момент дверь открылась, и вошёл мистер Финн. Он не сел во главе стола, а остановился рядом, положив длинные, тонкие пальцы на спинку своего стула. Его взгляд скользнул по лицам молодёжи, и Миранде показалось, что на мгновение в его глазах мелькнуло что-то вроде удовлетворения. Будто он уже видел эту картину раньше. В своих планах.

— Надеюсь, я не прервал распределение задач? — его бархатный голос заглушил все остальные звуки. Он сделал паузу, обводя взглядом молодые лица. — Должен сказать, что идея ваших родителей полностью совпадает с тем, что я задумал с самого начала. Я не случайно собрал вас всех здесь. Каждый из вас — не просто исполнитель. Вы — единый организм, который создаст для «Mystic Plaza» её новую душу. Я просто ждал, когда вы сами это осознаете.

Его голос звучал ровно и убедительно, но Миранда заметила, как его пальцы на мгновение сжали спинку стула — жест, который противоречил его спокойным словам.

— Доверить создание легенды тем, для кого она в будущем и будет предназначена — гостям молодого поколения. Это смело и гениально. — Его взгляд скользнул по лицам, задерживаясь на бледном лице Имоджен и напряжённом — Миранды. — Мисс Имоджен, я слышал о вашем даре. И мисс Рейн… я уверен, ваше чутьё дополнит его. «Синяя комната», кстати, обладает особой аурой для творчества. Вы можете работать там.

Имоджен, казалось, вот-вот расплачется. Миранда же чувствовала только нарастающую волну гнева и полнейшей непонятности. Их втолкнули в эту игру, не спросив, сменили правила, а теперь ещё и раздали роли, словно они куклы.

— А суп стынет, — мягко, но настойчиво заметил Финн, наконец занимая своё место. — Пожалуйста, продолжайте. Миссис Гленмор старалась.

Ужин проходил в почти полном молчании, нарушаемом только звоном приборов. Суп оказался странным на вкус — слишком пряным, с горьковатым послевкусием. Основное блюдо — нечто тушёное, с неопознанными овощами — было съедобно, но безрадостно. Родители Миранды пытались поддерживать светскую беседу с Финном о реставрационных тенденциях, но их голоса звучали фальшиво. Молодёжь ела молча, погружённая в свои мысли.

Кай ловил взгляд Лео, передавая без слов: «Нас кинули». Лео в ответ лишь чуть поднимал бровь, поглядывая на странное пятно на стене напротив. Хлоя сначала с энтузиазмом фотографировала еду «для атмосферы», но потом и она притихла, ощущая общую подавленность. Имоджен еле-еле ковыряла еду, её плечи были напряжены до боли. Элиас ел медленно и внимательно, его взгляд то и дело возвращался к Финну, будто пытаясь разгадать следующий ход.

А Миранда чувствовала себя так, будто её продали. Родители, которые всегда были её щитом, теперь уезжали, оставляя её в логове этого странного человека с его «наследством» и синей комнатой. И теперь она должна была работать над его легендой с девушкой, которая боялась собственной тени. Это была не работа. Миранда как будто попала в капкан, маскирующееся под творческий проект. И худшим было в то, что все в этой мрачной столовой, кроме, возможно, восторженной Хлои, понимали это с абсолютной, леденящей ясностью.

С таким эмоциями прошёл весь ужин, подали десерт, но Финн и родители Миранды отказались, объявив что им нужно уточнить детали поездки с водителем и удалились в глубь поместья. Тишина после ухода мистера Финна и родителей стала звенящей. Давление официальной части ужина сменилось тяжёлым, неловким вакуумом. Миссис Гленмор забрала тарелки с десертом, который почти никто не тронул, и исчезла, оставив их одних в мрачном сиянии люстры.

Отношение к Миранде в комнате изменилось почти физически. Это уже не было просто любопытством или лёгкой завистью из-за комнаты. Теперь на неё смотрели как на сообщницу — пусть и невольную — в этой внезапной ловушке.

Кай откинулся на стуле, глядя на неё с новой, откровенно враждебной усмешкой.

— Ну что, «просто подручный оператор»? — произнёс он, растягивая слова. — Вышло нехило. Родители свалили, а тебя оставили тут чуть ли не куратором проекта. Удобно. Тебе и отдельный кабинет для творчества с видом, а нам — плесень считать и на трёх кроватях в углу спать. Говорил же: ты здесь не просто так.

Его слова были остры и ядовиты. Теперь для Кая Миранда была не случайной жертвой, а частью системы, которая загнала их всех в этот тупик. Её прежние отговорки («я просто должна была помочь снять несколько кадров») теперь звучали в его ушах как наглая ложь.

Лео, напротив, сохранял ледяную, научную объективность. Его отношение к Миранде не изменилось — оно и не было эмоциональным. Он видел в ней новый, но предсказуемый переменный параметр в их ситуационном уравнении.— Эмоциональные обвинения непродуктивны, — сухо заметил он, не глядя на Кая, а обращаясь скорее к пространству. — Факты: мисс Рейн теперь наделена исполнительной функцией в рамках проекта наравне с мисс Имоджен. Это меняет динамику группового взаимодействия, но не общие условия нашего пребывания. Уровень микотоксинов от этого не снизится. — Он посмотрел на Миранду через стёкла очков. — Вам, как и всем, рекомендуется проветривать помещение, несмотря на погоду. И следить за влажностью. Ваша комната, при всех её эстетических преимуществах, тоже подвержена биоповреждениям.

Для Лео она была просто ещё одним элементом среды, требующим учёта.

Имоджен же, услышав, что ей придётся работать в паре с Мирандой, вначале смотрела на неё с паническим ужасом, как на вестника ещё большей беды. Но пока длился ужин, в её глазах происходила странная внутренняя борьба. Страх никуда не делся — он был её базовым состоянием. Но поверх него начала пробиваться тонкая, хрупкая жилка ответственности. Работа есть работа. Эти слова, казалось, отозвались в ней. Она несколько раз неуверенно посмотрела на Миранду, не как на фаворитку хозяина, а как на возможную… коллегу. Напарника в том кошмаре, который им теперь предстояло облачить в слова. Она тихо прошептала, почти не открывая рта:— Я… я не знаю, смогу ли… но если вы… если вы поможете с визуальной частью… мне возможно… — Она не закончила, снова съёжившись. Но это была уже не пассивная жертва, а человек, пытающийся схватиться за соломинку «задания», чтобы не утонуть в чистом ужасе. К Миранде она теперь относилась с робкой, испуганной надеждой.

Хлоя испытывала самые противоречивые чувства. С одной стороны, её креативный энтузиазм получил официальное одобрение и направление! Это же круто! С другой — атмосфера стала слишком мрачной и принудительной и это теперь понимала и она сама.— Слушайте, а это же на самом деле крутая возможность, — начала она, оглядывая всех, но её голос звучал менее убедительно, чем обычно. — Команда, реальный проект… Миранда, Имоджен, вы справитесь! — Но, взглянув на потерянное лицо Имоджен и закрытое — Миранды, её пыл немного поугас. К Миранде она теперь относилась с лёгким смущением и непониманием: та была в центре всего этого, но явно не была счастлива. Хлоя не видела в ней врага, но и прежнего любопытства «кто эта новая?» уже не было. Теперь Миранда была «той, с кем надо работать, но и той, которая всё усложняет». Её взгляд на Миранду стал более расчётливым: «Сможет ли она дать мне хорошие кадры? Не станет ли она проблемой для общего настроения?»

Элиас был загадкой. Он наблюдал за Мирандой всё так же пристально, но теперь в его взгляде читался не просто анализ «несоответствия», а попытка понять её новую функцию. Он видел, как она напряглась, когда родители объявили об отъезде, как побледнела, услышав о сценарии. Для него это были важные данные.— Интересная перегруппировка, — произнёс он наконец своим спокойным, глубоким голосом, обращаясь ко всем, но глядя на Миранду. — Вас не просто выделили. Вас назначили связующим звеном между замыслом хозяина и нашей группой. И между страхом, — его взгляд скользнул к Имоджен, — и действием. Вы стали точкой приложения давления. На вас — чтобы заставить работать её. На неё — чтобы вовлечь

в процесс вас. Очень эффективная конструкция.Его отношение к Миранде стало сложнее. Он не винил её, как Кай. Он видел в ней ключевой элемент механизма, в который они все попали. И это вызывало не злость, а холодный, аналитический интерес и… настороженную жалость. Он понимал, что её положение, при всех видимых «привилегиях», самое уязвимое и тяжёлое.

Миранда ловила все эти взгляды: враждебный, безразличный, надеющийся, расчётливый, аналитический. Она чувствовала, как стены сближаются. Теперь она была не просто невольной гостьей. Она была назначена ответственной. И это делало её одинокой в центре этой мрачной столовой, где даже воздух, казалось, сгущался от невысказанных обвинений и страхов. Ей предстояло не просто выживать в этом доме, а работать на него, и это меняло всё.

Глава 4. Ночь, рождённая в пламени бренди.

После того, как миссис Гленмор удалилась последний раз, оставив их в полном одиночестве, тягостное молчание в столовой стало невыносимым. Скрип половиц где-то наверху, далекий вой ветра в трубах — каждый звук заставлял вздрагивать. Было ясно, что сидеть здесь дальше никто не сможет.

— Ну, я пошёл, — мрачно объявил Кай, отодвигая стул. — Сидеть в этой мрачной столовой и ждать, пока привидения подадут кофе — не в моём стиле.

Лео и Элиас без слов поднялись следом. Взгляд Лео был устремлён вдаль, в негостеприимные своды потолка, а Элиас, как всегда, внимательно изучал тени в углах, будто ища в них скрытые выходы.

Они молча поднялись по лестнице на второй этаж. Коридор, освещённый лишь редкими свечами в настенных бра, казался ещё длиннее и враждебнее, чем днём. Разошлись по комнатам без лишних слов — каждый в свою “личную клетку” с давящей тишиной.

Однако тишина в комнате парней продержалась недолго. Через пятнадцать минут Кай, сидевший на краю своей железной койки и глядевший в стену, не выдержал, он чувствовал, как стены давят на него. В груди пульсировала одна мысль: «Я могу уйти. Прямо сейчас. Пока никто не видит». Он тихо поднялся, бесшумно приоткрыл дверь и скользнул в тёмный коридор. Он не знал, куда идёт — просто хотел проверить. Проверить, смогут ли они уйти, если захотят. Он спустился по главной лестнице, мимо портретов, чьи глаза в темноте казались живыми, и вышел через чёрный ход в сад. Ночь была холодной, ветер шевелил голые ветви яблонь. Кай шёл по дорожке к воротам, сжимая в кармане ключи от машины, которая всё ещё стояла на том же месте.

Он дошёл до ворот. До железных прутьев, за которыми начиналась дорога. Свобода была в пяти шагах.

Он сделал шаг. Второй.

И остановился.

Его тело не слушалось. Ноги стали тяжёлыми, как каменные. В груди разлился холод, и Кай почувствовал, как по спине пробегает волна липкого, животного ужаса. Он не мог объяснить, чего именно боится. Просто знал: если он переступит эту черту, случится что-то плохое. Что-то, что он не сможет остановить.

Он стоял так несколько минут, глядя на пустую дорогу. Туман клубился за воротами, скрывая всё, что было дальше.

«Трусишь?» — спросил он себя. Но это был не страх перед неизвестностью. Это было что-то другое. Как будто сам воздух здесь не хотел, чтобы он уходил.

Он развернулся и пошёл обратно в дом. Внутри него пульсировала одна, ледяная мысль: он не может уйти. Не потому, что не хочет. А потому, что дом не даёт.

Вернувшись в комнату, он тяжело опустился на край своей железной койки, уставившись в стену. Мысли путались, в груди всё ещё пульсировала глухая злость — на себя, на этот дом, на Финна, на всю эту проклятую ситуацию. Отчаяние и бессилие смешались в один вязкий ком.

Лео поднял голову от планшета и нахмурился.

— Ты где был?

Кай не ответил. Он сидел, уставившись в одну точку на стене, его дыхание было сбивчивым, на лбу выступил пот. В руках он сжимал ключи от машины так, что металл впился в ладонь.

Элиас, стоявший у окна, медленно повернулся. Его серые глаза внимательно сканировали Кая.

— Ты пытался уйти, — сказал он ровно. Это был не вопрос.

Кай дёрнул плечом, будто отмахиваясь от мухи.

— И что? — огрызнулся он, но голос сорвался на хрипоту. — Я хотел проверить. Понять, можем ли мы…

— И что ты понял? — спросил Элиас.

Кай поднял на него глаза. В его взгляде, обычно колючем и злом, сейчас была усталая, голая растерянность.

— Я понял, что мы не можем. — Он сглотнул, провёл рукой по лицу. — Я дошёл до ворот. Буквально пять шагов до свободы. И… не смог переступить. Просто не смог. Как будто стена. Невидимая. Я даже не знаю, чего испугался. Но тело не слушалось.

Лео и Элиас переглянулись. В комнате повисла тяжёлая, липкая тишина.

— Я не могу вернуться к брату, — тихо сказал Кай, и в его голосе впервые прозвучала не злость, а боль. — Он там один. Эти уроды, которым я должен, они не отстанут, пока не получат своё. Если я не вернусь с деньгами… если я вообще не вернусь…

Он замолчал, сжав челюсти так, что желваки заиграли под кожей.

Лео смотрел на него с неловким, почти виноватым выражением. Он не знал, что сказать. Научные факты здесь были бесполезны.

— Ты… — начал он и осекся.

— Забей, — перебил Кай, резко выпрямляясь. — Просто забей.— выплюнул Кай сквозь зубы и чуть спокойнее он продолжил — Так с ума сойти можно. — Он полез под кровать, к своей походной сумке, и вытащил оттуда не фляжку, а целую литровую бутылку дешёвого, но крепкого бренди. — Стратегический запас. Для экстренных случаев. Думаю, случай более чем экстренный. — Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья, посмотрел на Лео, который, сидя на соседней кровати, с холодным презрением снова взирал на планшет, и на Элиаса, стоявшего у окна и смотревшего в чёрный прямоугольник ночи. — Ну что, господа? Освежим нервы? По-братски?

Лео даже не поднял головы.

— Нет. И тебе не советую. Алкоголь в состоянии стресса — это прямая дорога к неадекватным реакциям и утрате бдительности. И я не позволю превратить наше жилое пространство в трактир.

В этот момент в дверь тихо постучали, и в щели показалось оживлённое лицо Хлои.

— Эй, я слышала голоса! У вас там, случаем, не горячительное? — прошептала она, заглядывая в комнату. — В нашей комнате как в склепе, Имоджен чуть не плачет, а я умираю от скуки и жути!

Едва она это произнесла, как из-за её спины появилась бледная, как полотно, Имоджен. Она выглядела потерянной и испуганной.

— Мне… мне одной страшно, — выдохнула она, и её голос дрожал. — Там шуршит за стеной… Я не могу…

Кай с торжествующей усмешкой помахал бутылкой.

— Видишь, Лео? Товарищи по несчастью нуждаются в моральной поддержке. Против страха и скуки все средства хороши.

Но Лео на этот раз сорвался. Он резко встал, и его обычно бесстрастное лицо исказилось редким для него раздражением.

— Прекрасно! Замечательно! — его голос прозвучал резко и громко, заставляя всех вздрогнуть. — Сначала нас загоняют в эту мышеловку, потом назначают дурацкие проекты, а теперь вы хотите устроить здесь пикник с алкоголем? Нет! У меня завтра — замеры, анализ, мне нужен сон и ясная голова, а не ваше пьяное бренчание и истерики! Если хотите заниматься ерундой — делайте это где угодно, но не здесь! Вываливайтесь из комнаты и не мешайте мне!

В комнате повисла шокированная тишина. Даже Кай на мгновение опешил от такой вспышки. Он открыл рот, чтобы ввязаться в перепалку, и Элиас сделал шаг вперёд, словно готовый вмешаться.

Но Хлоя, всегда находчивая, быстро сориентировалась. Её взгляд метнулся в сторону коридора, к массивной двери «Синей комнаты».

— Окей, окей! Спокойно, профессор! — быстро сказала она, пытаясь разрядить обстановку. — Не надо ссориться. Знаешь что? Идея! У нас же есть целые апартаменты «люкс» по соседству! Пойдём к Миранде! У неё точно есть место, и она… ну, она тоже часть нашей «команды» теперь. Может, и ей не помешает разрядиться.

Предложение повисло в воздухе. Оно было нелепым, наглым, но оно давало выход из зашедшего в тупик конфликта. Кай, всё ещё кипящий от слов Лео, с радостью ухватился за эту возможность досадить Миранде нарушив уединение «миледи».

— А почему бы и нет? — с вызовом сказал он, хватая бутылку. — Пойдёмте на светский приём. Посмотрим, как живёт элита.

Элиас, увидев, что открытого конфликта удалось избежать, кивнул. Имоджен, для которой оставаться с разгневанным Лео или возвращаться в пустую комнату было одинаково страшно, молча прижалась к Хлое, соглашаясь на любое движение, лишь бы не быть одной.

Не сказав больше ни слова Лео, который снова уткнулся в планшет с демонстративным видом, маленькая группа — Кай с бутылкой, Хлоя, Имоджен и Элиас — вышла в коридор и направилась к двери с синей фарфоровой ручкой.

Хлоя, слегка волнуясь, но полная азарта, постучала. Когда дверь приоткрылась, и в щели показалось удивлённое и усталое лицо Миранды, Хлоя выдавила самую солнечную улыбку, какая только была возможна в этом мрачном месте:

— Привет! Мы тут… решили провести экстренное собрание по сплочению коллектива. Можно к тебе? Мы не с пустыми руками. — перебирая костяшки пальцев, произнесла как скороговорку Хлоя, всё еще стоя у приоткрытой двери. Миранда, ослеплённая светом из коридора после темноты своей комнаты, несколько секунд молча смотрела на неожиданных гостей. Её взгляд скользнул по бутылке в руке Кая, по вымученно-бодрому выражению Хлои, по испуганным глазам Имоджен и спокойному, оценивающему лицу Элиаса.

— Я… — начала она, но Кай, не дожидаясь ответа, уже легонько надавил плечом на дверь.

— Не церемонься, Рейн. Мы все в одной лодке, помнишь? А в лодке принято грести и… делиться ресурсами. — И с этими словами он шагнул вперёд, проходя мимо неё в комнату.

За ним, словно на параде неловкости, проследовали остальные. Хлоя проскользнула с извиняющейся улыбкой, Имоджен прошептала «извините» и вжалась в дверной косяк, прежде чем войти, а Элиас лишь кивнул, как учёный, входящий в новый лабораторный зал.

Комната, мгновение назад бывшая тихой, пусть и зловещей, капсулой, наполнилась чужим дыханием, шелестом одежды, энергией живых людей. Кай сразу направился к каминной полке, поставив бутылку с громким стуком.

— Вот это да. И правда королевские апартаменты. Места хоть отбавляй. — Он оглядел пространство. — Стаканов, правда, не предусмотрено. Будем пить из горла? Или найдутся какие-нибудь хрустальные бокалы для «миледи»?

— У меня есть пара кружек в рюкзаке, — сказала Хлоя, уже снимая свой перегруженный рюкзак. — И пластиковые стаканы. Для воды. Но и для благородного напитка сойдут.

Миранда всё ещё стояла у открытой двери, ощущая себя не хозяйкой, а заложницей в собственном убежище.

— Вы не думали, что мне, возможно, не хочется компании? — наконец произнесла она, и в её голосе прозвучала накопившаяся усталость и раздражение.

Элиас, осматривавший книжные полки (почти пустые), обернулся.

— Судя по всему, тебе тоже не предлагали выбора, когда определяли твою роль здесь. Сегодня вечер полон нежелательных назначений. Это — просто ещё одно. Но, возможно, менее опасное.

Его слова заставили Миранду вздрогнуть. В них была горькая правда.

— Ой, да перестаньте вы, — вмешалась Хлоя, уже расставляя пластиковые стаканчики на туалетном столике. — Мы все на нервах. Просто… посидим. Поговорим. Как нормальные люди, попавшие в дурацкую ситуацию. Без родителей, без Финна, без этой… этой давящей тишины.

Имоджен, тем временем, несмело присела на самый краешек кровати, подальше от окна. Она смотрела на бутылку, как на змею.

— Я… я не буду пить. Я просто посижу.

— И прекрасно, — сказал Кай, откручивая крышку. Резкий запах дешёвого алкоголя сразу же смешался со сладковатым ароматом комнаты. Он налил три стаканчика: себе, Хлое и, после секундного раздумья, плеснул немного в свободный, после чего протянул его Элиасу. Тот принял стаканчик без комментариев. Затем Кай поднял бутылку в сторону Миранды. — Ну что, креативный директор? Присоединяешься? Или будешь наблюдать за нашим падением со стороны?

Все снова смотрели на неё. Миранда чувствовала, как стены её «особой» комнаты, которые должны были защищать, теперь ощущались как барьеры, отрезающие её от остальных. От этих испуганных, злых, сбитых с толку ребят, которые были такими же пленниками, как и она. Её упрямое желание сохранить остатки контроля боролось с глупой, внезапной жаждой просто не быть одной.

— Ладно, — наконец сдалась она, закрывая дверь. — Но только немного. И чтобы было тихо. Нам и так всем влетит, если Финн или эта Гленмор услышат.

Она подошла и взяла стаканчик, который Кай налил ей прямо из бутылки. Жидкость пахла химией и отчаянием.

Кай усмехнулся, первый раз сегодня без едкой злости, а скорее с усталой солидарностью.

— Вот и славно. Ну что ж… — он поднял свой стакан. — За наше незабываемое «творческое заточение». И за то, чтобы завтра было хоть чуточку менее жутко, чем сегодня.

Хлоя чокнулась с ним. Элиас молча поднял стакан. Миранда, после секундной паузы, сделала то же самое. Имоджен лишь сжалась в комок.

И в этот момент, когда первый глоток жёг горло, а странная, вымученная компания установилась в «Синей комнате», казалось, что ледяная хватка дома на секунду ослабла. Они были не одни. И в этом, возможно, и заключалась их первая, маленькая и очень хрупкая победа.

Жгучий напиток разлился теплом по телу, на мгновение отгоняя внутренний холод. Неловкое молчание сменилось тихим, нервным смешком Хлои, которая поморщилась от крепости.

— Ого, это не для слабонервных, — выдохнула она, ставя стаканчик. — Но… работает. Кажется, пальцы на ногах снова почувствовала.

Кай мрачно усмехнулся, сделав ещё один, более глубокий глоток.

— Главное, чтобы голова завтра их тоже чувствовала. Но, чёрт, сейчас это того стоит.

Элиас отпил немного, его лицо оставалось невозмутимым, будто он пробовал дистиллированную воду. Он поставил стакан и снова перевёл свой аналитический взгляд на комнату, теперь уже с новой точки обзора.

— Интересный акустический эффект, — заметил он. — Звук поглощается обивкой и ковром, но отражается от каменной стены у окна. Если говорить тихо, нас не должно быть слышно в коридоре.

— О, отлично! Значит, можно спокойно строить козни против нашего благодетеля, — съязвил Кай, но уже без прежней желчи. Алкоголь делал его цинизм более усталым, менее агрессивным. Он скользнул взглядом по Миранде, которая стояла, прислонившись к туалетному столику, и медленно потягивала свой напиток. — Ну что, Рейн? Раскрывай карты. Что ты на самом деле здесь делаешь? Кроме того, что «просто помогаешь снять кадры».

Миранда вздохнула. Вопрос был ожидаем. Раньше она бы огрызнулась или замкнулась. Но сейчас, с теплом алкоголя в груди и в окружении этих таких же потерянных лиц, её защитные барьеры дали трещину.

— Я и сама не знаю, — сказала она честно, глядя на золотистую жидкость в стаканчике. — Он… Финн… он смотрит на меня, как будто ждал именно меня. Говорит

какие-то странные вещи про «наследство».

Эта комната… этот портрет… — Она оборвала себя, не желая казаться сумасшедшей.

— Портрет? — мгновенно заинтересовалась Хлоя, её профессиональный интерес вспыхнул. — Какой портрет?

— Внизу, в холле. Девушка с глазами… как малахит. И с родинкой. Как у меня.

В комнате на секунду воцарилась тишина. Даже Кай перестал жевать свою усмешку.

— Классика готического романа, — наконец произнёс Элиас. Его голос был задумчивым. — Доппельгангер, предок, реинкарнация… дом, узнающий свою потерянную часть. Финн явно играет в какую-то тщательно продуманную игру. И ты, Миранда, — центральная фигура

на его шахматной доске. Не король, нет. Скорее… королева. Та, которую нужно довести до определённой клетки.

— Прекрасные новости, — пробормотал Кай. — Значит, пока с тобой ничего не случится, мы все в относительной безопасности. Ты — наш талисман.

— Не говори так! — вздрогнула Имоджен, первый раз за вечер подняв голос выше шёпота. Её глаза были полы страха, но не за себя. — Это ужасно! За ней… за ней охотятся! Как в тех фильмах!

— Охотятся или готовят к чему-то, — поправил Элиас. — Выделили отдельную комнату. Поручили работу, связанную с нарративом, с историей места. Это не просто устрашение. Это… ритуал. Постепенное погружение в миф.

Хлоя, забыв про алкоголь, схватила свою камеру.

— Это гениально! Это же чистый сторителлинг в реальном времени! Дом, который пишет свою историю через тебя! Мы должны это задокументировать!

— Ты с ума сошла? — резко обернулся к ней Кай. — Это не твой контент, это её жизнь!

Спор мог бы разгореться, но Миранда их перебила. Её голос прозвучал тихо, но все услышали.

— А что, если… что, если мы используем это? — Все взгляды устремились на неё. — Он хочет легенду? Хочет, чтобы мы её создали? Хорошо. Мы создадим. Но не ту, которую он ждёт.

В её глазах, отражавших пламя свечи, вспыхнул первый за весь день огонёк, который не был страхом. Это была решимость.

— Мы напишем сценарий, Имоджен. Но не про призраков поместья. А про то, как группа случайных людей оказалась в ловушке у странного хозяина. Про комнаты, которые давят. Про взгляды портретов. Про то, как дом забирает души. Мы напишем правду. Замаскированную под вымысел. И будем снимать его, Хлоя. Не «атмосферные уголки», а ловушки. Скрипучие половицы, тёмные коридоры, эту самую синюю комнату. Мы сделаем это нашим проектом. Нашим оружием. Если уж мы должны здесь что-то делать, пусть это будет разоблачение, а не послушное сочинение сказок.

Её слова повисли в воздухе, заряженные новой, опасной энергией. Имоджен смотрела на неё с растущим изумлением. Кай присвистнул, и в его взгляде появилось уважение.

— Ого. У «принцессы» есть зубы. Мне нравится.

Элиас медленно кивнул.

— Стратегически верный ход. Превратить навязанную роль в инструмент сопротивления. Это меняет положение вещей.

Даже Хлоя на мгновение задумалась, отложив камеру.

— Это… чертовски рискованно. Но и чертовски круто. Как настоящий триллер.

В эту минуту «Синяя комната» перестала быть просто местом заключения или привилегии. Она стала штабом. Тайным, хлипким, пьяным от дешёвого бренди и страха, но штабом. У них появилась не просто цель — выжить. У них появился план. Пусть безумный, пусть опасный. Но свой.

— Значит, решено, — сказала Миранда, и её голос впервые зазвучал твёрдо. — Завтра начинаем. Имоджен, ты со мной. Мы «работаем над сценарием». А на самом деле — собираем улики и пишем наше досье на «Mystic Plaza».

Она подняла свой почти пустой стаканчик. Остальные, после секундного замешательства, последовали её примеру. На этот раз тост был беззвучным, но понятным каждому. Они чокнулись пластиком в тишине синей комнаты, и этот тихий стук прозвучал как клятва. Клятва непослушных гостей против своего хозяина.

А за окном, в тёмном саду, казалось, кривые ветви яблонь наклонились чуть ближе, будто стараясь расслышать шёпот заговорщиков, рождённый в самом сердце дома

Хлоя, снова, сделала маленький глоток и поморщилась.

— Странно, — произнесла она задумчиво, ставя стаканчик на туалетный столик. — Есть вообще не хочется. Вообще. Как будто выключили.

Кай фыркнул, отхлебнув из горлышка бутылки.

— Стресс, девочка. Организм на войне — ему не до диет. Хотя этот огненный сироп — та ещё диетическая колонка, — он показал бутылкой на стаканчик Хлои. — Придаст сил, чтобы дальше бояться.

План, рождённый от отчаяния и бренди, висел в воздухе, хрупкий, как паутина. Но он давал им точку опоры.

— Значит, завтра, — повторил Кай, ставя стаканчик. В его голосе звучала новая нота — не злорадство, а мрачная решимость. — А сегодня… сегодня мы просто выживаем. И наблюдаем. — Он бросил взгляд на Элиаса. — Ты, анатом, говорил про несоответствия в горгульях. Какие ещё «несоответствия» ты тут углядел?

Элиас откинулся на спинку кресла, которое он наконец занял. В свете свечей его лицо выглядело как резная маска учёного.

— Архитектурные. Толщина стен в коридоре неоднородна. Есть участки, где между панелями и каменной кладкой должен быть значительный зазор. Возможно, ниши или служебные ходы. Лестница на третий этаж, та, что мы видели, — явно более поздняя пристройка. Изначальный вход должен быть где-то ещё. Возможно, за одной из этих «неоднородных» стен.

— Потайные ходы? — прошептала Имоджен, и в её голосе прозвучал скорее ужас, чем интерес.

— Вероятнее, служебные, для прислуги, — уточнил Элиас. — Но в доме такого возраста они легко могли стать чьими-то тайными тропами.

— Отлично! — Хлоя уже снова была в своём элементе, её пальцы летали над экраном камеры, делая заметки. — Это можно вписать в сценарий! «Дом с потайной сетью ходов, где обитает прошлое». А на деле… мы можем попробовать их найти.

— Не стоит пока лезть в неизвестность, — осторожно заметила Миранда. Пламя решимости в ней ещё колыхалось, но его остужала трезвая (теперь уже почти трезвая) часть сознания. — Сначала — документирование. Элиас, ты говорил о спорах, о влажности. Это может быть важно. Если дом… «болен». Или специально поддерживается в таком состоянии.

— Данные о микроклимате я собираю, — кивнул Элиас, словно Лео был тут же. — Завтра составлю первую карту «зон риска». Это может быть как естественным разрушением, так и… управляемым процессом. Для атмосферы.

Мысль о том, что сырость и плесень могут быть частью декораций, намеренно поддерживаемой, заставила всех ёкнуть.

— Этот Финн… он как режиссёр-перфекционист, — пробормотал Кай. — Декорации, свет, звук… и мы, живые актёры, на которых даже грим не нужно накладывать — сами напугаемся до нужной бледности.

Разговор тёк — от практических деталей к леденящим душу предположениям и обратно. Алкогольная волна отхлынула, оставив после себя странную, почти братскую близость людей, настигнутых одной бедой. Даже Имоджен понемногу расслабилась, перестав вжиматься в кровать. Она слушала, её большой испуганный взгляд перебегал с одного говорящего на другого.

— А что с моими родителями? — вдруг спросила Миранда, глядя на пустой стаканчик. — Они ведь… они не просто так уехали. Они испугались. Не машины. Его. Финна.

— Испугались или получили то, за чем приехали, — мрачно предположил Кай. — Контракт, аванс… и инструкцию оставить своё чадо в качестве… чего? Залога? Части оплаты?

— Не надо, — взмолилась Имоджен. — Не надо так говорить.

— Он прав, — неожиданно тихо сказала Хлоя. Её обычно оживлённое лицо стало серьёзным. — Мои… мои контакты, которые меня сюда направили, тоже были странно настойчивы. Говорили об «уникальном шансе», о «проекте всей жизни». Как будто продавали не работу, а… место в какой-то секте.

Они переглянулись. Картина складывалась в единую, жуткую мозаику. Каждого из них сюда не просто «пригласили». Их подобрали. И свели здесь в одну группу не случайно.

— Значит, мы не случайное совпадение, — подытожил Элиас. — Мы — подобранные экземпляры. Скептик Кай, аналитик Лео и, отчасти, я, творцы Хлоя, Имоджен, Миранда, а так же ядро — Миранда. Готовый ансамбль для разыгрывания пьесы, сценарий которой уже прописан в стенах этого дома.

Тишина, воцарившаяся после этих слов, была уже иной. Не панической, а сосредоточенной. Страх никуда не делся, но он превратился в холодный, острый инструмент.

Внезапно где-то далеко, глубоко в недрах дома, раздался глухой, металлический стук — один, два. Как будто захлопнулась тяжёлая заслонка или упал забытый в подвале лом.

Все вздрогнули, замерли, затаив дыхание. Имоджен вскрикнула и прикрыла рот ладонью.

Стук не повторился. Но его эхо висело в воздухе комнаты, смешавшись с гулом в ушах.

— Часы, — первым нашёл объяснение Элиас, но без прежней уверенности. — Старые напольные часы где-нибудь в холле. Бой.

— В час ночи? — хмыкнул Кай, но встал. Алкогольная бравада окончательно испарилась. — По-моему, нам всем пора. Прежде чем мы начнём слышать что-то менее объяснимое.

С этим все молча согласились. Внезапно их импровизированный штаб снова показался уязвимой клеткой.

— Завтра, — коротко сказала Миранда, провожая их взглядом к двери. — После завтрака. Начинаем.

Хлоя и Имоджен первыми выскользнули в коридор, оглядываясь по сторонам. Кай на прощание кивнул Миранде, и в этом кивке было что-то вроде признания. Элиас задержался на секунду.— Дверь на задвижку изнутри, — тихо посоветовал он. — Если она есть. И не открывай никому после того, как мы уйдём.

Он вышел, и Миранда медленно закрыла за ним тяжёлую дверь. Щелчок замка прозвучал невероятно громко. Она обернулась, спиной к дереву, и окинула взглядом свою «Синюю комнату». Она была прежней — та же кровать с балдахином, то же зеркало, тот же вид в тёмный сад. Но теперь она была наполнена призраками их разговора, их страхов, их хрупкого заговора.

Она подошла к окну. В чёрном стекле отражалось её бледное лицо и комната за спиной. На секунду ей показалось, что в отражении, в глубине комнаты, мелькнуло движение. Она резко обернулась.

Никого. Только тени от свечи колыхались на синих обоях.

Воображение, —строго сказала она себе. Но затем спустя время, ложась в холодную постель, она долго не могла уснуть, прислушиваясь к тишине дома, которая теперь казалась не пустой, а наполненной. Наполненной тайнами, шагами за стенами и эхом только что рождён-

ного плана сопротивления. Они больше не были просто жертвами. Они были заговорщиками. И от этой мысли было одновременно страшно и… странно светло.

Дверь в «Синюю комнату» захлопнулась с глухим, бархатным стуком. На этот раз его закрыла сама Миранда, спиной прислонившись к прочному дереву, словно баррикадируя вход не от внешней угрозы, а от только что ушедшего шума, смеха и запаха бренди. Тишина, нахлынувшая после ухода ребят, была иной — не зловещей пустотой, а почти благословенным покоем, в котором гудели уши и слегка кружилась голова.

Слабое тепло от алкоголя ещё пульсировало в жилах, смешиваясь с приятной усталостью. На душе было непривычно... неспокойно, но и не одиноко. Комната казалась уже не такой чужой и враждебной. На туалетном столике стояли четыре пустых пластиковых стаканчика — немые свидетели странного, вымученного, но настоящего братства. Воздух пах теперь не только тлением и стариной, но и дешёвым алкоголем, духами Хлои и мужским одеколоном. Этот бытовой, человеческий запах был лучшим оберегом от призраков.

Миранда обвела взглядом «Синюю комнату». «Синяя комната» — будущий штаб. Выцветшие обои цвета кобальта, гигантская кровать с балдахином, мутное трёхстворчатое зеркало, огромное окно в тёмный сад — всё это было тем же, но воспринималось иначе. Это было уже не только её личное заточение, а место силы, где родился план. Где её впервые не обвинили, а послушали. Где страх начал превращаться в злость, а злость — в стратегию.

Она скинула обувь, почувствовав под босыми ногами холодный вощёный паркет. Усталость накрывала её тёплой, тяжёлой волной, на этот раз без панических подёргиваний. Переодевшись, она погасила свет. Комната погрузилась в густой синий мрак, нарушаемый только бледным отсветом луны на стёклах окна. Она забралась под одеяло, и его прохлада была приятна разгорячённой коже.

Тишина дома была уже не давящей, а просто ночной. Знакомые звуки обрели почти успокаивающий ритм. Скрип наверху, под крышей — просто старые балки, реагирующие на перепад температуры. Шорох за стеной — вероятно, та самая вентиляция, о которой говорил Элиас. Даже запах из сада, сладковато-тяжёлый, казался теперь просто частью антуража, декорацией к их будущему «разоблачающему» сценарию.

Перед сном в памяти всплыли не только малахитовые глаза с портрета и слова Финна о наследстве. Всплыла ухмылка Кая, смягчённая выпивкой и невольным уважением. Вспомнился спокойный, аналитический голос Элиаса, раскладывающий их беду по полочкам. Даже панический шёпот Имоджен и деловой азарт Хлои теперь казались чертами будущих союзников, а не просто чужих людей.

«Завтра начинаем», — подумала Миранда, и мысль эта была полна не страха, а твёрдой решимости. Она впервые за весь день чувствовала не просто реакцию на обстоятельства, а контроль. Маленький, хрупкий, но контроль.

Сон наступил быстро, без кошмаров. Не было ни ядовитого сада, ни женщины в платье морской волны. Ей снились отрывки разговоров, обрывки планов, лицо Элиаса, внимательно изучающего карту дома, которую они ещё только нарисуют. Снилось, как они с Имоджен пишут текст, и слова на бумаге складываются не в сказку для отеля, а в обвинительный акт, и буквы светятся холодным синим светом, как обои в её комнате.

А в комнате парней сон Кая был совсем другим.

Ему снился тот же тёмный переулок, те же лица, которые он видел в своих кошмарах уже не первую неделю. Брат стоял у стены, прижатый к ней двумя фигурами в чёрном. Его глаза были полны паники, на лице застыл беззвучный крик.

— Ты должен нам, — сказал один из фигур, медленно поворачиваясь к Каю. — Или мы сломаем ему руки. Выбирай.

Кай хотел закричать, рвануться вперёд, но голос пропал, а ноги не слушались. Он был парализован.

— Выбирай, — повторил голос, и теперь он звучал не из переулка, а отовсюду. Из стен, из потолка, из самого воздуха. Голос Финна, бархатный и вкрадчивый, смешался с голосами тех людей в чёрном, с криком брата. Всё слилось в один оглушительный, пульсирующий гул.

Кай попытался сделать шаг — и рухнул на колени. Земля под ногами стала вязкой, тёмной, как смола. Она затягивала его, тянула вниз, и он знал: если он провалится, он уже не вернётся. Брат смотрел на него с мольбой, но Кай не мог дотянуться. Его руки были слишком тяжёлыми. Слишком каменными.

Он проснулся в холодном поту. Сердце колотилось так, что грудь болела. Он сел на кровати, судорожно вдыхая воздух, и огляделся. В комнате было темно. Лео и Элиас спали, их дыхание было ровным и спокойным. Элиас, пришедший с пьянки, спал крепко — алкоголь сморил его быстрее, чем кого-либо.

Кай провёл ладонью по лицу. Она была мокрой от пота. Он сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы убедиться, что проснулся. Что это был просто сон. Просто стресс.

Но он знал, что это не просто сон. Это было предупреждение. От дома. От его собственного страха, который дом умел читать, как открытую книгу.

Он лёг обратно, уставившись в тёмный потолок, и больше не сомкнул глаз. Где-то в глубине дома, очень далеко, тихо, едва слышно, кто-то смеялся. Или плакал. Или вздыхал. Кай не мог разобрать. Но он знал: дом наблюдал за ним. И дом знал, что его держит здесь.

Рядом с ним, на соседней койке, тихо посапывал Лео. Во сне его лицо потеряло ту холодную, отстранённую маску, которую он носил днём. Он выглядел моложе, почти беззащитным. Пальцы его, всегда сжимающие планшет или ручку, сейчас были расслаблены, но иногда дёргались, будто он продолжал что-то вычислять даже во сне. Ему снились цифры — бесконечные ряды цифр, которые не складывались в правильные формулы. Голос его научного руководителя звучал снова и снова: «Ты ничего не добьёшься. Ты просто мальчик с игрушками». Лео вздрагивал, но не просыпался. Его демоны были тихими и въедливыми, как та самая плесень, которую он изучал.

Элиас спал у окна, прислонившись спиной к стене. Даже во сне его поза оставалась прямой, контролируемой. Но лицо было напряжённым, брови сведены к переносице. Ему снилась мать — женщина с серыми глазами, такими же, как у него. Она стояла в этом же доме, но в другой эпохе, и звала его по имени. Он пытался догнать её, но стены между ними смыкались, становились толще, холоднее. Он знал, что она где-то здесь. И что он должен её найти. Даже во сне эта мысль не отпускала его.

Кай смотрел на них, на этих двух незнакомцев, с которыми его связала случайность и страх, и чувствовал странное, почти незнакомое тепло. Они были в одной ловушке. И это делало их не просто соседями по несчастью. Он закрыл глаза, но сон не шёл. Он просто лежал, слушая, как дом дышит вокруг него.

А в «Синей комнате» Миранда спала беспокойно. Ей снились обрывки планов, лица Элиаса, Кая, Имоджен — все они кружились в странном, бесцветном танце. Но сон был зыбким, и она то проваливалась в него, то всплывала на поверхность. Она проснулась глубокой ночью на мгновение от глухого, металлического стука где-то внизу. Но на этот раз её сердце лишь ровнее забилось в груди, а разум, затуманенный сном и остатками алкоголя, тут же выдал рациональное объяснение: «Старые трубы. Или ветер. Или Лео внизу что-то уронил». И, повернувшись на другой бок, она снова погрузилась в сон — глубокий, восстановительный, без сновидений. С момента приезда в «Mystic Plaza» она дремала, чувствуя за спиной не холодную стену одиночества, а призрачное, но ощутимое присутствие других. Они были в ловушке. Но теперь они были в ловушке вместе. И это меняло всё.

Часть II: Узор из вырезанных страниц

Глава 5. Карта из шёпота и тени

Утро ворвалось в «Синюю комнату» не солнечным лучом, а бледной, водянистой полосой света, пробивающейся сквозь тяжёлые бархатные шторы. Миранда открыла глаза, и первое, что она ощутила — не страх, не растерянность, а странную, хрустальную ясность. План, рождённый вчера в дыму бренди и отчаяния, теперь лежал в её сознании отточенным инструментом. Они были заговорщиками. И сегодня начнётся их настоящая работа.

Она подошла к окну, отодвинула ткань. Сад лежал в объятиях осеннего тумана, яблони проступали из него, как кости, обтянутые серой кожей. Но её взгляд устремился не вниз, а вбок, к узкому каменному карнизу под самой крышей. Тому самому, что бежал между её окном и окном комнаты парней. Отсюда, из тепла, он казался просто архитектурной деталью. Но она знала — там, среди спящих горгулий, было тихо. Там дом не дышал. Это знание согревало её изнутри, как тайный огонь.

В дверь постучали — не два вежливых стука, а один резкий, как выстрел. Ещё до её ответа дверь приоткрылась, и в проёме возник Кай. Он выглядел так, будто не спал вовсе: тени под глазами были гуще, чем вчера, а в напряжённых углах губ читалась не просто усталость, а злорадная готовность к бою.

«Приветствую в новом рабочем дне, Ваше Высочество, — произнёс он, завалившись плечом на косяк. Его голос был хриплым от утреннего першения и невысказанных мыслей. — Надеюсь, ты выспалась в своих королевских покоях, пока мы, простолюдины, слушали, как Лео вслух анализировал уровень спор в пыли под кроватью. Забавный будильник, должен сказать.»

Миранда не обернулась, продолжая смотреть на карниз. «Ты пришёл за сочувствием или за заданием?»

«О, я пришёл за реальностью, — он сделал несколько шагов в комнату, его взгляд скользнул по обоям, по зеркалу, по незаправленной кровати, будто ища следы ночной паники. — Видишь ли, ночью, пока ты тут строила планы спасения мира, я имел весьма познавательную беседу с нашим другом Элиасом. Он, оказывается, не только разбирается в анатомии каменных уродин, но и обладает даром завораживающе спокойно излагать самые бредовые теории. Например, о том, что ты — не случайная жертва. Что тебя «подобрали» с хирургической точностью. Как ключ к замку. И это, знаешь ли, заставляет задуматься.»

Наконец она повернулась к нему. В её глазах, обычно таких же зелёных и непроницаемых, как малахит на портрете в холле, вспыхнул холодный огонь. «И что ты решил? Что я сознательная приманка? Что я веду вас всех под монастырь, как агент Финна?»

Кай засмеялся коротко, беззвучно. «Нет. Ты не агент. Агенты не смотрят в окно так, будто хотят его разбить и выпрыгнуть. Но ты и не просто девочка с камерой. Ты — центр. И быть центром в такой конструкции, — он сделал широкий жест, включая в него и комнату, и весь дом за её стенами, — опасно. Для центра и для тех, кто вокруг. Я пришёл спросить: ты понимаешь, во что ввязалась? Или всё ещё веришь, что это большой квест с призами на выходе?»

Он стоял теперь прямо перед ней, близко, нарушая границы личного пространства, но не из угрозы, а из желания докопаться до сути. От него пахло дешёвым мылом и металлическим напряжением.

«Я понимаю, что мы в ловушке, — тихо сказала Миранда, не отводя взгляда. — И что наш единственный шанс — понять правила этой ловушки, чтобы сломать её изнутри. Ты

хочешь помочь? Помоги. Не хочешь — не мешай. Но не приходи ко мне с подозрениями. Их у меня и так хватает. На себя в первую очередь.»

Молчание повисло между ними, густое, почти осязаемое. Кай первым опустил глаза, кивнув, скорее, самому себе. «Ладно. Значит, играем. Лео сегодня начинает свой «аудит биобезопасности». Я буду его верным оруженосцем с фонарём и отвёрткой. Мы поищем те пустоты, о которых говорил наш анатом. А ты?»

«Я буду работать с Имоджен над «сценарием». А на самом деле — собирать всё, что найдём, воедино.»

«А Элиас?»

«Элиас, — раздался спокойный голос из дверного проёма, — будет изучать структуру. Как всегда.

Они оба вздрогнули. Элиас стоял в дверях, одетый в ту же серую толстовку, его лицо было свежевыбритым, а взгляд — ясным и неотрывным. Он вошёл, не спрашивая, и его присутствие сразу изменило атмосферу в комнате, наполнив её не напряжением, а холодной, аналитической энергией.

«Я слышал часть разговора, — сказал он, подходя к окну и смотря туда же, куда до этого смотрела Миранда. Его глаза сузились, оценивая линию карниза, угол наклона крыши, расстояние до земли. — И согласен с Каем в одном: вы — центр, Миранда. Но центр не обязательно означает цель. В механизме центр — это ось, точка вращения. Без неё всё рассыпается.»

«Поэтично, — проворчал Кай. — Ты что, ещё и стихи пишешь между вскрытием горгулий?»

Элиас проигнорировал сарказм. «Ночью я просмотрел доступные чертежи подобных поместий викторианской эпохи. Архитектура «Mystic Plaza» содержит аномалии. Например, толщина внешней стены в восточном крыле на сорок сантиметров больше стандартной. Это не просто утепление. Это пространство.»

«Потайной ход?» — спросила Миранда, чувствуя, как учащается пульс.

«Или комната. Или просто буферная зона для чего-то, что требовало изоляции, — он наконец отвёл взгляд от окна и посмотрел на неё. Его взгляд, обычно аналитичный и отстранённый, на мгновение смягчился, став почти человеческим. — Вы говорили, что на карнизе стоят две «спящие» горгульи. Можете описать их подробнее? Отличаются ли они от других?»

В его интонации появилась новая формальность. «Вы». Это не было холодно или отчуждённо — это было уважительно, почти профессионально. Как будто он признал её не просто девушкой в ловушке, а коллегой по расследованию. Миранда почувствовала это изменение и слегка выпрямилась.

Она закрыла глаза, вызывая в памяти образ. «Они... менее детализированы. Более стилизованные. И позы у них не агрессивные. Они просто сидят, поджав под себя каменные лапы, как большие собаки. И смотрят не на дом, а вдаль. В сад.»

«Стражи, ориентированные вовне, — тихо заключил Элиас, кивая, будто её слова подтвердили его гипотезу. — Интересно. Возможно, они не часть внутренней системы дома. Возможно, они — пограничные маркеры. Или реликты более старой постройки.» Он сделал паузу, снова глядя на неё. Его серые глаза были ясными и внимательными. «Я хотел бы их увидеть.»

«Ты с ума сошёл? — Кай фыркнул. — Лазить по карнизу в такую погоду? Ты же даже не выглядишь спортивным.»

«Я не буду лазить. Я буду смотреть из вашего окна, Миранда. Если, конечно, вы не возражаете.»

Этот прямой, лишённый намёков взгляд был обращён к Каю. Тот замер, потом пожал плечами. «Чёрт с тобой. Только не упади и не разбуди этим грохотом нашего дорогого хозяина.»

Элиас кивнул, принимая это за разрешение. Его взгляд снова стал аналитическим, отстранённым — исследователь вышел на поле. Он медленно обошёл комнату, изучая стыки стен и потолка, будто пытался прочитать в трещинах штукатурки чертеж, невидимый для других.

— Сейчас, — сказал он наконец, подходя к окну Миранды. — Пока остальные не вышли. Лучший свет.

Кай, заинтригованный, несмотря на свой показной цинизм, придвинулся ближе. Миранда отошла в сторону, давая Элиасу место. Он распахнул створку шире, и в комнату ворвался влажный, холодный воздух, пахнущий мокрой листвой и сырым камнем. Туман за окном был густым, молочным, но силуэты карниза и крыши проступали сквозь него, как тени в аквариуме.

Элиас высунулся наружу, держась за раму. Кай инстинктивно шагнул вперёд, как будто собирался его удержать, но замер. Миранда затаила дыхание. Снизу, из сада, доносилось лишь мурлыканье ветра в голых ветвях.

— Да, — прозвучал спокойный голос Элиаса, слегка приглушённый пространством за окном. — Вижу. Две фигуры у самого края, на стыке восточного и северного фасадов. А ты права, Миранда. Их стилистика иная. Более примитивная, архаичная. И поза… Они не охраняют. Они наблюдают. Но не за домом, а за этой комнатой.Он замолчал на несколько секунд, и в этой давящей тишине Миранде почудилось, что она слышит, как скрипят его мысли — сухо, металлически, будто шестерёнки в отлаженном механизме, которые давно не видели смазки.

Карниз под ними, — продолжил он, втягиваясь обратно в комнату и протирая ладони о брюки. — Он шире. И на нём… есть следы. Не от дождя. От постоянного трения. Ступни или… чего-то другого. Очень старые, заполированные — но явно оттого, что здесь часто что-то делали.

— То есть по нему ходили? — выдохнула Миранда.

— Ходили. Или что-то по нему перемещали. Регулярно. Возможно, это был служебный проход для чего-то, что не должно было попадаться на глаза гостям, — он повернулся к ним, и в его глазах горел холодный, ясный огонь открытия. — И это подтверждает мою теорию о дополнительном объёме в стенах. Если есть внешний карниз-проход, логично, что есть и внутренний доступ к нему. Из той самой «излишне толстой» стены.

— Похоже на чердак для прислуги, — пробормотал Кай, но без прежней иронии. Он смотрел на Элиаса с новым, уважительным интересом. — Или на дорожку для того, кто любит подглядывать.

— Или для того, кто должен был незаметно появляться и исчезать, — добавила Миранда. Её собственные слова прозвучали в тишине комнаты зловещим эхом. Она вспомнила мокрые шаги, которые слышала Имоджен. Вспомнила ощущение чужого взгляда в спину, преследующее её с момента прибытия.

Элиас кивнул. — Именно. Это важное наблюдение. Карниз ведёт как раз в сторону восточного крыла. Того самого, что меня интересует. Нам нужно найти способ попасть туда.

— «Нам»? — поднял бровь Кай. — Я думал, мы собираемся плесень считать и сценарии писать.

— Мы собираемся выяснить правду, — твёрдо сказала Миранда. Её голос прозвучал с неожиданной для неё самой силой. — И если эта правда спрятана в стенах, значит, нам нужно заглянуть в стены. Лео с тобой может проверить помещения на первом этаже, особенно в восточном крыле. Искать несоответствия, пустоты, скрытые двери. А мы с Имоджен… — она немного запнулась, — мы официально «исследуем историю поместья для сценария». У нас будет повод задавать вопросы, осматривать комнаты, которые нам «покажут».

— Разделение труда, — одобрительно кивнул Элиас. — Рационально. Но нужна точка контакта. Место, где мы будем обмениваться находками. Без лишних глаз.

— Здесь, — сразу сказала Миранда. — «Синяя комната». После ужина. Как вчера. Только без бренди, — она бросила взгляд на Кая. — Нам нужны ясные головы.

Кай усмехнулся, но на этот раз усмешка была почти дружеской. — Ладно, ладно. Обойдёмся без возлияний. Значит, план такой: Лео и я идём играть в СанПиН с носом, выслушивать лекции о спорах и между делом тыкать отвёрткой в подозрительные обои. Вы с пугливой писательницей идёте добывать «исторический контент». А профессор анатомии, — он кивнул на Элиаса, — будет тем временем составлять карту аномалий. Я правильно понял?

— В общих чертах, да, — подтвердил Элиас. — Но нужна осторожность. Финн не оставит нас без присмотра. Миссис Гленмор, другие слуги, которых мы ещё не видели… Все они — глаза и уши.

В этот момент из коридора донёсся лёгкий шорох, а затем — тихий, неуверенный стук в дверь. Все трое замерли, обменявшись быстрыми взглядами

— Войдите, — сказала Миранда, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Дверь приоткрылась, и на пороге возникла Хлоя. Она уже была в своём «рабочем» образе — камера на шее, в руках планшет. За ней, как тень, виднелись Имоджен и Лео.

— О, вы уже собрались, — прощебетала Хлоя, но её глаза быстро и профессионально оценили обстановку: открытое окно, сосредоточенные лица. — Мы не помешаем? Мы… э-э… думали обсудить рабочий процесс. Для сценария

— Нет, не помешаете, — ответила Миранда, жестом приглашая их войти. — Мы как раз о том же.

Имоджен неслышно проскользнула внутрь, её взгляд скользнул по лицам, задержавшись на Кае и Элиасе. Казалось, присутствие других людей, даже таких незнакомых и колючих, немного успокаивало её.

Когда дверь закрылась, маленькая группа снова оказалась вместе в синих стенах. Теперь их было шестеро. Импровизированный совет. Заговорщики.

— Что мы делаем? — прямым, деловым тоном спросила Хлоя, отбрасывая показную весёлость. — Я слышала, наши дорогие начальники укатили на рассвете. Значит, мы предоставлены сами себе. И мистеру Финну.

— Мы начинаем наше расследование, — чётко сказала Миранда. Она кратко изложила только что намеченный план: разделение на группы, сбор информации, вечерний «отчёт» в её комнате. Хлоя слушала, кивая, её пальцы уже летали над экраном планшета, делая заметки. — Окей. Я могу снимать «атмосферу» и параллельно фиксировать всё странное: замки, двери, углы, где кажется, что стена «не такая». У меня хороший глаз на композицию и на фальшь.

— А я… — Имоджен заговорила так тихо, что все наклонились к ней. — Я могу… записывать. То, что говорят. Если мы будем разговаривать с кем-то из слуг. Или… если услышим что-то. У меня хорошая память на слова.

Её предложение, высказанное дрожащим шёпотом, было неожиданно ценным. Миранда уловила в нём первый проблеск активной позиции, попытку взять под контроль хоть что-то — в её случае, информацию.

— Отлично, — одобрительно сказала она, и Имоджен слегка выпрямилась. — Ты будешь нашим летописцем. Записывай всё: что видим, что слышим, что чувствуем. Любая деталь может быть важна.

— Ну а мы, похоже, идём на передовую, — заключил Кай, хлопнув себя по коленям и поднимаясь. — Уверен, наш учёный-миколога уже составил график влажности на ближайшую неделю. — Он направился к двери, но на пороге обернулся. — Эй, Рейн. Смотри там. Не лезь одна в тёмные углы. Даже если очень захочется.

Это было почти предупреждение. Почти забота. Миранда кивнула. Тут Лео, уткнувшись в планшет, пробормотал что-то себе под нос, проводя пальцем по графику.

— Отмечаю отклонение, — сказал он, не глядя ни на кого. — Утренние физиологические показатели у группы. Отсутствие сигналов голода при нормальном циркадном ритме. Вероятная причина — хронический стресс, повышенный кортизол. Но...

Он не закончил, махнув рукой, будто отгоняя назойливую муху. Эта деталь не стоила его внимания сейчас.

Элиас последовал за Каем, бросив на прощание Миранде короткий, понимающий взгляд. — До вечера. После чего Элиас и Лео вышли за дверь.

Когда дверь закрылась за ними, в комнате остались три девушки. Воздух снова казался другим — более напряжённым, но и более целеустремлённым.

— Ну что, — сказала Хлоя, нацеливая камеру на Миранду, но не нажимая на спуск. — С чего начнём, креативный директор? С парадной лестницы, полной портретов с бродящими глазами? Или с сада ядовитых цветов?

Миранда подошла к окну и снова взглянула на карниз, теперь уже скрытый наступающим утренним светом. Туман начинал рассеиваться, обнажая мрачную красоту запущенного парка

— Начнём с библиотеки, — сказала она, оборачиваясь. — Если Финн хочет, чтобы мы изучили историю, логично начать с того места, где эта история должна храниться. И если в этом доме есть секреты… некоторые из них наверняка записаны на бумаге.

Хлоя улыбнулась, и в её улыбке было теперь не просто возбуждение, а азарт охотника.

— Библиотека. Отличный выбор. Полки до потолка, пахнет старым пергаментом и тайнами. Идём?

Миранда взглянула на Имоджен. Та взяла в руки небольшой блокнот и карандаш, которые, казалось, ждали этого момента всю жизнь. Её пальцы сжимали их так крепко, что костяшки побелели, но в её глазах, помимо страха, читалась новая, хрупкая решимость.

— Идём, — сказала Миранда Рейн и открыла дверь, выпуская их из синего убежища в холодные, ждущие коридоры «Mystic Plaza». Игра началась. Коридор встретил их гробовой тишиной, нарушаемой лишь далёким, равномерным тиканьем старых часов где-то внизу. Воздух был холодным и неподвижным. Их шаги по скрипучим половицам казались неестественно громкими.

— Библиотека, по логике, должна быть на первом этаже, в крыле для гостей или в жилой части, — шёпотом проговорила Миранда, пытаясь вспомнить планировку, промелькнувшую перед глазами вчера. — Но где именно…

— Спросим, — так же тихо ответила Хлоя, её взгляд ловил блики на тёмном дереве панелей, видимо, оценивая свет для потенциальных кадров. — Вежливо и по делу. Мы же «работаем».

Они спустились по главной лестнице, мимо пристальных взглядов портретов. На этот раз Миранда позволила себе рассмотреть их внимательнее. Мужчины с холодными, оценивающими лицами. Женщины в платьях с высокими воротниками, их улыбки казались застывшими, а глаза — слишком живыми. Её собственное отражение мелькало в тёмном лакированном дереве рам, и каждый раз она невольно искала в нём сходство с той, малахитовоглазой незнакомкой. Не сейчас, — приказала она себе. Сначала факты.

Внизу, в холле, царила та же пустота. Камин был потухшим. Только горгулья над дверью по-прежнему сжимала свой потускневший факел, а её пустые глазницы, казалось, провожали их движение.

Именно в этот момент из-за тяжёлой портьеры, скрывавшей проход вглубь дома, бесшумно появилась миссис Гленмор, как будто выплыла из тени. Её лицо было каменной маской, руки сложены на переднике.

— Мисс, — произнесла она, обращаясь к Миранде. Голос был сухим, лишённым интонации, как скрип несмазанной двери. — Его милость просил передать: если вам потребуется что-либо для работы, вы можете обратиться ко мне. Он также упомянул, что библиотека нахо-

дится в восточном крыле, последняя дверь в конце коридора за гостиной. Ключ от неё на столе у входа.

Информация была подана так, будто её выдали по регламенту. Ни капли интереса, ни тени сомнения. Финн предвосхитил их шаг.

— Спасибо, миссис Гленмор, — кивнула Миранда, стараясь звучать так же нейтрально. — Мы как раз направлялись туда.

Экономка ответила едва заметным кивком, скользнула взглядом по камере Хлои и блокноту Имоджен, затем развернулась и растворилась за портьерой так же бесшумно, как и появилась.

— Жутковатая тётка, — выдохнула Хлоя, когда они остались одни. — Прямо как голограмма строгости.

— Она наблюдает, — прошептала Имоджен, её пальцы сжимали блокнот ещё крепче. — Она всё видит. Я чувствую её взгляд в спину, даже когда её нет.

Миранда промолчала. Она чувствовала то же самое. Этот дом не отпускал. Они прошли через гостиную, где вчера состоялось их первое неуклюжее знакомство. Угли в камине были холодны. Комната казалась больше и пустыннее при дневном свете, который слабо пробивался сквозь пыльные витражные стёкла.

Коридор в восточном крыле был уже и темнее. Воздух здесь ощущался иначе — не сыростью и тлением, а старой бумагой, кожей и воском. По стенам висели не портреты, а гравюры с видами ущелий и мрачных замков. Дверь в самом конце была дубовой, массивной, с чёрной железной скобой вместо ручки. На небольшом резном столике действительно лежал большой, старомодный ключ.

Миранда взяла его. Металл был холодным и неожиданно тяжёлым. Ключ с лязгом повернулся в замке, и дверь отворилась внутрь с долгим, стонущим скрипом.

Библиотека «Mystic Plaza» не была огромным залом с галереями, как в кино. Это была длинная, сравнительно неширокая комната с высоким потолком. Полки из тёмного, почти чёрного дерева уходили вверх, к самому потолку, и были до отказа забиты книгами. Спины фолиантов поблёскивали золотым и красным тиснением, другие же корешки были потрёпаны так, что названия на них уже не прочесть. Воздух был густым и сладковатым от запаха старинной бумаги — не приятным, а тяжёлым, спёртым, с явной нотой плесени. В дальнем конце комнаты, у высокого узкого окна, заваленного стопками фолиантов, стоял массивный письменный стол. На нём — чернильница с засохшими чернилами, пресс-папье из мрамора и несколько свитков, связанных выцветшей лентой.

— Вау, — тихо произнесла Хлоя, и её профессиональный энтузиазм на секунду пересилил общую тревогу. Она подняла камеру. — Это… это настоящая сокровищница. Свет ужасный, но атмосфера…

— Здесь пыльно, — кашлянула Имоджен, прикрывая рот ладонью. — И пахнет… не только книгами.

Миранда шагнула внутрь первой. Её глаза привыкали к полумраку. Комната была заперта, но не опечатана. Значит, Финн либо не боялся, что они что-то найдут, либо наоборот — хотел, чтобы они нашли что-то конкретное.

— Давайте разделимся, — сказала она, понизив голос до шёпота. Стены, плотно уставленные книгами, казалось, поглощали звук, создавая ощущение изоляции. — Хлоя, снимай общие планы, детали полок, стола. Ищи что-то необычное — пустые места, книги, которые выглядят новее остальных, следы. Имоджен, начни с этих свитков на столе и с книг, которые лежат отдельно, не на полках. Я пройдусь вдоль стеллажей. Ищем всё, что связано с историей поместья, с фамилиями владельцев, с перестройками. И особенно — с легендами или несчастными случаями.

Они кивнули, и далее нарушали тишину библиотеки лишь шорох страниц, щелчок затвора камеры и скрип половиц под ногами. Миранда медленно шла вдоль полок, вглядываясь в корешки. Тома по юриспруденции, сборники проповедей, труды по философии, многотомные истории древних царств… Казалось, здесь собрали всё подряд, без системы. Она тянулась к толстому фолианту с потёртым кожаным переплётом, когда её взгляд упал на одиноко стоящую небольшую книгу в самом низу, в углу у плинтуса.

Она была тоньше остальных и переплетена не в кожу, а в тёмно-синий бархат, выцветший до серого. На корешке не было ни названия, ни букв. Миранда наклонилась и осторожно вытянула её. Книга была легче, чем казалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.